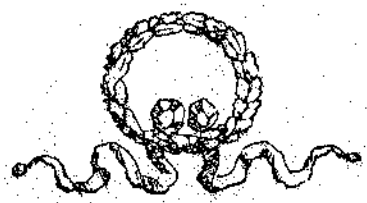


В. М. ФАЙБИСОВИЧ

АТРИБУЦИЯ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПО ВОЕННЫМ РЕАЛИЯМ

Санкт-Петербург
1997

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургская государственная академия культуры

Кафедра музееведения

В.М.Файбисович

АТРИБУЦИЯ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПО ВОЕННЫМ РЕАЛИЯМ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Учебно-методическое пособие

Санкт-Петербург
1997

ББК 79.1

Учебно-методическое пособие печатается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургской государственной академии культуры.

Файбисович
Виктор Михайлович

Атрибуция иконографических памятников по военным реалиям

Ответственная за выпуск:
Н.И.Сергеева, профессор,
заведующая кафедрой музееведения СПбГАК.

© Санкт-Петербургская государственная академия культуры, 1997.

© Оформление С.С.Петрова, 1997.

МОЖНО ЛИ ВЕРИТЬ «ФОРМЕННЫМ ОТЛИЧКАМ»?

(ВОЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ)

«Во многих музейных собраниях хранятся портреты, выполненные порой крупными мастерами и значащиеся изображениями неизвестных, — писал выдающийся музейный специалист В.М.Глинка. — Определение этих портретов может не только пополнить галерею исторических персонажей, но и вернее осветить особенности и даты творческого пути художников. Так же несомненно и то, что иногда использование даже не архивных источников, а только справочников и других печатных материалов, позволяет выяснить, кто изображен, уточнить даты и особенности биографии этого человека.»[1] В нескольких своих работах В.М.Глинка дал блестящие образцы атрибуции иконографических памятников по форменному платью и орденам[2]. Военными реалиями при атрибуции иконографических памятников успешно пользуются и другие специалисты.

[1] Глинка В.М. Об установлении лиц, изображенных на портретах, по форменному платью и орденам. В кн.: Труды Государственного Эрмитажа, т.15, Русская культура и искусство. Л.,1974, с.87.

[2] Глинка В.М. Кто изображен на четырех рисунках Кипренского. В кн.: Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. 37. Л., 1973; Он же. О трех портретах Ромбауэра. В кн.: Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. 43. Л., 1978; Он же. Кто изображен на двух портретах Б.-Ш.Митуара? В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1979. Л., 1980; Он же. О работах Яна Гладыша, выполненных в Петербурге в 1806-1808 гг. В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1980. Л., 1981 и др.

Однако часть искусствоведов питает к этому методу известное предубеждение. Ярким проявлением такого предубеждения стала позиция И.Н.Бочарова и Ю.П.Глушаковой в полемике, развернувшейся между ними и В.М.Глинкой в 1981 г. на страницах «Литературной газеты». Поводом к ней стала статья И.Н.Бочарова и Ю.П.Глушаковой «Разгадка тайны старой акварели» в «Литературной России»[3]. Сопровождая свою публикацию воспроизведением акварели, изображающей, по их убеждению, М.Ю.Лермонтова и А.Н.Карамзина, И.Н.Бочаров и Ю.П.Глушакова писали в этой статье: «Правда, изучая военную одежду, мы обнаружили, что живописцы не всегда точно передавали цвета и формы отдельных аксессуаров военного обмундирования, следуя при этом законам колористической гармонии, а не предписаниям устава. Поэтому атрибуции, основанные только на соответствиях уставным требованиям цветов мундиров, кантов, пуговиц и эполет, при всей важности этих деталей, страдают существенным недостатком, поскольку не учитывают специфики художественного творчества».

Эта статья вызвала резкую отповедь В.М.Глинки («Нет, не Лермонтов»)[4]. «Из опыта более чем пятидесятилетней музейной работы, — писал он, — мне известно, что акварельные портреты, являвшиеся в то время наиболее точными иконографическими документами, изображали то, что видел художник. А теперь о самой репродукции. Подкладка под сюртуками обоих офицеров белая. Между тем приказом от 24 сентября 1830 г. (т.е. за 4 года до производства Лермонтова в офицеры) Николай I предписал иметь белую подкладку только под сюртуками офицеров кирасирских полков (к ним же относились Кавалергардский и Конногвардейский), синюю подкладку — офицерам уланских полков, а темно-зеленую (в цвет сюртука) — офицерам драгунских, конноегерских и гусарских полков.

[3] 1981, № 35

[4] «Литературная газета», 1981, 14 окт., № 42.

Как известно, Лермонтов служил в обоих существовавших тогда гвардейских гусарских полках и в Нижегородском драгунском полку, где подкладка сюртуков полагалась темно-зеленая. Именно такой она запечатлена на портретах работы А.И.Клюндера 1838 и 1839 гг. Второе — это фасон эполет. Отличие эполет, присвоенных гусарам и драгунам полков, в которых служил Лермонтов, состояло в том, что все они делались металлическими (а не покрывались галуном, как у кирасир), и в том, что часть их, прилегающая к воротнику мундира или сюртука, имела закругленную форму, переходившую в чешуйчатую плавно суженную перемычку к круглой части эполета, лежавшей на краю плеча и имевшей явно выпуклую форму. Повторяем, этот единственный тип эполета, какой мог носить Лермонтов, ясно виден на портретах работы Будкина и Клюндера, репродуцированных в работе Н.П.Пахомова и только что вышедшей «Лермонтовской энциклопедии». Более того, эполеты М.Ю.Лермонтова любой может увидеть в Ленинграде в Институте русской литературы (Пушкинский дом). Кирасирский эполет имел плоское галунное поле. У человека, изображенного на картине, эполеты как раз такого фасона. А в такой форме, даже в угоду «специфике художественного творчества» Лермонтов не мог согласиться быть написанным, как, впрочем, и любой офицер. Честь полка, в котором он служил, не допускала ношения чужой формы, да и к чему такой маскарад»[5].

И.Н.Бочаров и Ю.П.Глушакова ответили В.М.Глинке пространной статьей с безапелляционным заглавием: «Нет, это Лермонтов! (Еще раз о новом прижизненном портрете поэта)», «Главное при иконографических атрибуциях, — без колебаний заявили они своему оппоненту, — это лицо, а не одежда модели»[6]. Аргументация сводилась при этом к следующим утверждениям:

[5] Там же.

[6] Бочаров И., Глушакова Ю. Нет, это Лермонтов! — Литературная газета, 1982, 12 мая, № 19.

1. Неверно изображенные военные реалии можно найти и на достоверных портретах исторических лиц.

2. Известно немало примеров намеренного нарушения офицерами уставной формы.

3. «Случались и просто маскарады, устраиваемые офицерами из озорства».

4. Порою художники дописывали свои произведения, не имея перед глазами изображаемой ими модели.

Трудно не согласиться с этими постулатами.

В подтверждение первого из них, в очерке «Портрет ветерана 1812 года» ниже будет говориться о неточности в изображении золотого креста на георгиевской ленте, не позволяющей определить, очаковской или измаильской наградой отмечен запечатленный на акварели генерал.

Второй тезис — о сознательном уклонении от исполнения требований устава — может быть проиллюстрирован многочисленными примерами, приведенными в трудах самого В.М.Глинки[7].

Очевидно, «случались и просто маскарады, устраиваемые офицерами из озорства». Так, нам известна фотография Алексея Петровича Оленина, внука директора Публичной библиотеки и президента Академии художеств А.Н.Оленина, исполненная 11 марта 1872; на ней А.П.Оленин запечатлен в мундире Нижегородского драгунского полка с дедовским командорским крестом ордена св. Иоанна Иерусалимского на груди[8].

Нет сомнений, что бывали случаи, когда художник дописывал свое произведение, не имея перед глазами модели; тогда вероятность погрешностей в изображении военных реалий возрастала[9].

Повторим: постулаты И.Н.Бочарова и Ю.П.Глушаковой неоспоримы — но они ни в коей мере не подтверждают их умозаключений и не опровергают мнения В.М.Глинки...

В самом деле: можем ли мы отказаться от использования таблицы умножения на том основании, что (а) даже в трудах великих математиков встречаются арифметические ошибки?

Что (б) порою нерадивые школьники намеренно не соблюдают правил умножения, подгоняя задачу под ответ?

Что (в) какой-то шалун, сознательно мистифицируя публику, доказывает, подобно древнегреческим софистам, что 2 x 2 = 5?

И, наконец, (г) что кое-кто, не затвердив этой таблицы наизусть, ошибается, не имея ее перед собою во время подсчетов?

Между тем портреты большинства лиц, «вычисленных» по форменному платью и орденам, надежно идентифицируются другими их портретами, тогда как внешнее сходство часто бывает обманчиво. Сошлемся на другой прецедент с «лермонтовским» портретом. Несколько лет назад к автору этих строк обратился французский коллекционер Мишель Камидян: он просил утвердить его в убеждении, что на принадлежащей ему акварели А.И.Клюндера, датированной мартом 1838 г., запечатлен М.Ю.Лермонтов. На акварели из собрания М.Камидяна

[7] Весьма яркие примеры такого рода приводит Г.В.Вилинбахов в своем предисловии к книге В.М.Глинки «Русский военный костюм XVIII — начала XX века» (Л., 1988, с. 19), вышедшей после смерти автора.

[8] Заметим, однако, что нам не известно ни одно произведение живописи или графики, достоверно запечатлевшее такой маскарад: легкая шутка, по-видимому, плохо увязывалась с необходимостью длительного позирования художнику.

[9] Следует сказать, что, приводя в доказательство «великолепный портрет графа С.Ф.Апраксина работы П.Ф.Соколова из Третьяковской галереи, на котором художник не успел даже обозначить силуэт фигуры, хотя лицо и воротник мундира с орденом вполне закончены», И.Бочаров и Ю.Глушакова, сами того не замечая, противоречат собственному утверждению: воротник и орден прописаны художником именно для того, чтобы безошибочно завершить акварель, не имея перед глазами модели. Это наблюдение подтверждается и другим незавершенным произведением П.Ф.Соколова — портретом И.А.Лужина из собрания ГМП: на нем также скрупулезно выписан ворот со свитским шитьем и орденская колодка (См. в кн.: Московская изобразительная Пушкиниана. М., 1986, с.159, № 100).

был изображен ротмистр[10] с флигель-адъютантскими аксельбантом и вензелями на эполетах, в вицмундире Л.-гв. Гусарского полка (опознающемся по шитью на вороте), со знаками прусского ордена св. Иоанна Иерусалимского на груди. Как известно, М.Ю.Лермонтов был произведен из корнетов в поручики лишь 6 декабря 1839 и до гибели своей служил в этом звании; флигель-адъютантом он, разумеется, не был, а из наградных списков его постоянно вычеркивали. Итак, повторяя реплику В.М.Глинки, пришлось и в этом случае сказать: «Нет, не Лермонтов!» Но кого в таком случае изобразил А.И.Клюндер? Для ответа на этот вопрос достаточно было обратиться к ежегодному изданию «Месяцослов и общий штат Российской империи»: в его выпуске «на 1839 г.», содержащем сведения о состоянии чинов по 1 ноября 1838 г., в списке флигель-адъютантов следовало найти лейб-гусарского ротмистра с прусским орденом Иоанна Иерусалимского.

Решение этой задачи оказалось несложным. Среди трех флигель-адъютантов, служивших в Л.-гв. Гусарском полку, орденом Св. Иоанна Иерусалимского были награждены двое — полковники кн. Э.А.Белосельский-Белозерский, имевший кроме того ордена Св.Анны 2-й, Св.Станислава 3-й и Св.Владимира 4-й степени, и М.В.Пашков, кавалер ордена Св.Анны 3-й степени. Поскольку совершенно невероятно, что за период с марта по ноябрь 1838 г. кн. Э.А.Белосельский-Белозерский был произведен из ротмистров в полковники и пожалован тремя орденами, оставалась лишь кандидатура М.В.Пашкова. Эти соображения подтвердились: в Месяцословах предшествующих лет он числился ротмистром, и единственной его наградой был прусский орден Св.Иоанна Иерусалимского.[11] Итак, на портрете А.И.Клюндера изображен Михаил Васильевич Пашков (2.VI.1802-7.VI.1863), командир эскадрона, в котором служил М.Ю.Лермонтов![12] При обращении к его биографии нетрудно установить, что в полковники он был произведен 3 апреля, через несколько дней после создания портрета[13], а орденом Св. Анны 3-й степени пожалован 24 июля 1838 г.[14] Истинность этой атрибуции неопровержимо доказало обнаружение в собрании Государственного Эрмитажа совершенно идентичной акварели (также подписанной и датированной А.И.Клюндером[15]), изначально известной как портрет М.В.Пашкова. Но если бы подобно М.Камидляну мы уверовали в сходство этого лейб-гусарского офицера с Лермонтовым и ничтоже сумняшеся приняли аксиому И.Н.Бочарова и Ю.П.Глушаковой («главное при иконографических атрибуциях — это лицо, а не одежда модели»), — то мы неизбежно должны были бы заключить, что поэт по неизвестным нам причинам велел изобразить себя с взятыми взаймы эполетами ротмистра, занятым флигель-адъютантским аксельбантом и чужим орденом св. Иоанна Иерусалимского...

Нет сомнений, что недоверие к военным реалиям как вернейшему атрибуционному аргументу обусловлено у сомневающихся тем смущением, которое поневоле испытывает всякий, кто без подготовки вступает в область «форменных отличек — в мундирах выпушек, погончиков, петличек», как сказал один из грибоедовских героев. Действительно, эта сфера кажется бескрайней и потому непознаваемой: знаменитое «Историческое описание одежды и вооружения российских войск» составляет 34 тома...

---

[10] Звание определяется по отсутствию на его обер-офицерских (без кистей) эполетах звездочек, присвоенных в 1827 г. всем чинам кроме капитанов в пехоте и ротмистров в кавалерии, полковников и «полных» генералов.

[11] См.: Месяцослов и Общий штат Российской империи на 1837 г., ч. I, с. 139 (списки флигель-адъютантов публиковались в разделе «Главный штаб»).

[12] Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 368.

[13] Маньей К. История истории Л.-гв. Гусарского полка. Ч. III, СПБ, 1859, с. 136.

[14] См.: Список кавалерам Российских императорских и царских орденов всех наименований за 1843 г., ч. IV, СПБ, 1844.

[15] Вскоре после визита М.Камидляна в музейную библиотеку поступил незадолго до этого вышедший в свет альбом «Русская акварель в собрании Государственного Эрмитажа» (М., 1986), в котором был впервые опубликован клюндеровский портрет М.В.Пашкова (№ 111). Как и портрет из собрания М.Камидляна, акварель, принадлежащая Эрмитажу, датирована мартом 1838.

Не потому ли даже среди авторитетнейших музейных деятелей бытует мнение, что сферу военных реалий следует оставить горстке посвященных? — Прибегнуть к консультации узких специалистов, говорят они, рациональнее, чем убивать время в попытке самостоятельно «объять необъятное».[16]

Но так ли уж беспредельна эта область?

«Однажды Лизавета Ивановна, — читаем мы в «Пиковой Даме», — сидя под окошком за пяльцами, нечаянно взглянула на улицу, и увидела молодого инженера, стоящего неподвижно и устремившего глаза к ее окошку.» Каким образом пушкинская героиня с первого взгляда опознает в закутавшемся в шинель Германне военного инженера? — Ей известно, что инженеров отличает серебряный прибор и черный плюмаж на шляпах...

По приезде в Пятигорск Григорий Александрович Печорин в повести «Княжна Мери» был принят местными дамами за гвардейца: «петербургский покрой сюртука ввел их в заблуждение, но скоро, узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись.» Что вызывает столь горькое разочарование? — Они замечают, что поле печоринских эполет покрыто не золотым или серебряным галуном, а всего лишь сукном и вдобавок украшено цифрами, обозначающими номер дивизии...

Но неужели то, что без труда дается бедной воспитаннице или дочери степного помещика, не по силам профессиональному знатоку материальной культуры, каким должен быть музейный сотрудник?

Нет, продолжая литературные параллели, вслед за лермонтовским Вернером мы сравнили бы магический круг военных реалий с заколдованным лесом из «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо: «Только приступи, — говорил он, — на тебя полетят со всех сторон такие страхи, что боже упаси <...> Надо только не смотреть, а идти прямо; — мало-помалу чудовища исчезают, и открывается перед тобой тихая и светлая поляна, среди которой цветет зеленый мирт; — зато беда, если на первых шагах сердце дрогнет и обернешься назад».

Автор желает своим молодым коллегам счастливых открытий на этом пути. До встречи на поляне, под миртом.

[16] Это мнение было высказано на одном из семинаров в Государственном музее А.С.Пушкина в Москве его первым директором, А.З.Крейном, автором классической книги «Рождение музея».

ВЕТЕРАН ТУРЕЦКИХ И НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН.

В 1983 г. музей «Приютино» приобрел два парных акварельных портрета, происходивших, по словам последней владелицы, из собрания Олив. На одном из портретов изображена дама, одетая по моде 30-х гг. прошлого века[1], на другом — генерал, у плеча которого, под эполетом, — монограмма «R» и дата «1836»[2]. Военные реалии позволяли рассчитывать на установление личности генерала; в нем можно было предположить, пользуясь словами Пушкина, одного из

«..начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.»

Художник запечатлел убеленного сединами пожилого человека в общегенеральском мундире образца 1829-1855 гг.[3] Его высокому воинскому званию соответствуют очетливо «читающиеся» на портрете награды. Красная лента через левое плечо и наполовину прикрытая ею звезда являются знаками ордена Св. Александра Невского. Под звездой этого ордена изображена звезда ордена Св. Владимира, которая вместе с Владимирским крестом на шее генерала составляет знаки второго класса. Над

[1] Бум., акв., гуашь, 20 х 15,5; инв. № 4928

[2] Бум., акв., гуашь, 18 х 14; инв. № 4927

[3] Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч.1-30. СПБ. Изд. Военной типографии, 1841-1862. Ч. 17, с. 30-35; рис. 2364-а; ч. 27, с. 51.

Первоначальная атрибуция: Художник-монограммист R.
Портрет неизвестного. Бумага, акварель, 1836.
Музей «Приютино».

крестом ордена Св. Владимира — крест ордена Св. Георгия 3-й степени. Под этими крестами — «Анна на шее», хрестоматийно известная по одноименному чеховскому рассказу — Анненский крест, обозначающий, в отличие от шейных крестов Георгия и Владимира, не 3-ю, а 2-ю орденскую степень. На груди у генерала — колодка из креста и трех медалей. Золотой крест со скругленными концами, на георгиевской ленте, является одной из двух наград, учрежденных в ходе турецкой войны 1787-1791 гг. за отличие при взятии Очакова в 1788 г. и при штурме Измаила в 1790 г. Кресты эти имели схожие очертания, и определить с уверенностью, очаковская это награда или измаильская, невозможно, тем более, что изображена она не вполне верно: у обоих крестов центральный медальон был не круглым, как у креста на приютинском портрете, а овальным.

Вслед за золотым крестом в колодке расположены серебряные медали в память Отечественной войны 1812 года (на андреевской ленте) и в память вступления российских войск в Париж (на андреевско-георгиевской ленте), за ними — бронзовая медаль в память 1812 года (на владимирской ленте)[4].

Таким образом, задача установления личности неизвестного, запечатленного на портрете сводилась, как думалось поначалу, к отысканию среди генералов, служивших в русской армии в 1836 г., кавалера орденов Св. Александра Невского, Св. Владимира 2-го, Анны 2-го и Георгия 3-го классов, имеющего золотой крест за Очаков или Измаил и медали за 1812 и 1814 гг.

[4] Серебряной медалью, учрежденной 5 февраля 1813 г. награждались все участники боевых действий Отечественной войны, бронзовой, учрежденной 30 августа 1814 г., награждались дворяне, «отцы или старейшины семейств» (См.: Бартошевич В.В. Наградная медаль участника отечественной войны 1812 года как памятник эпохи. М., 1992, с. 5-6). Медаль в память вступления Российских войск в Париж была учреждена 30 августа 1814 г., но роздана в войска она была лишь 19 марта 1826 г. (См.: Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, т.XVIII, с. 133).

Первой и вполне естественной мыслью было сравнить акварель с портретами из Военной галереи Зимнего дворца. Разумеется, рассчитывать найти нашего генерала среди героев, запечатленных Джорджем Доу и его помощниками, можно только в том случае, если в кампаниях 1812, 1813 и 1814 гг. он сражался уже в генеральском звании или получил его за отличие в последней кампании по окончании войны[5]. При этом следует учесть, что Галерея создавалась в период с 1819 по 1829 г. и награды, пожалованные генералу позднее, на отыскиваемом в Военной галерее портрете изображены быть не могли. Наиболее ранней и, безусловно, наиболее редко встречающейся на портретах наградой нашего генерала является, конечно, Очаковский или Измаильский крест, и потому ориентироваться решено было на него. Оказалось, что этими крестами было награждено более двух десятков персонажей Военной галереи — но ни у одного из них комплект наград обозначенному выше не соответствовал: некоторые из них, как, например, М.Ф.Наумов, участвовавший в штурме Очакова, умерли ранее и не имели столь высоких наград[6]; другие, как Е.Я.Савоини, имели награды, которые не изображены на приютинской акварели[7]; третьи, как генерал Ф.И.Сандерс, обладали как Очаковским, так и Измаильским крестами... От мысли определить личность изображенного по портретам Военной галереи пришлось отказаться.

Очевидно, следовало обратиться к спискам генералитета русской армии на 1836 г. Но в ленинградских библиотеках такого списка не оказалось; поиски нашего героя по другим источникам среди полутора сотен русских

[5] См.: Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981, с.9-10.

[6] Так у М.Ф.Наумова, скончавшегося в 1823 г., орден Св. Георгия был 4-й, а не 3-й степени.

[7] На портрете из Военной галереи у Е.Я.Савоини, привлекающего к себе внимания сходством с генералом на приютинской акварели, на правой стороне груди изображена звезда. Единственной звездой, носившейся справа, была звезда ордена Св. Анны, которой на портрете из собрания «Приютина» нет.

генералов утратили реальную перспективу. В исследованиях наступила тягостная пауза.

Стимул к дальнейшим разысканиям неожиданно подало одно из произведений В.А.Озерова: по прочтении его «Оды Гавриилу Романовичу Державину на получение им ордена Св. Анны первого класса в 1798 г.» возникло желание еще раз взглянуть на знакомый каждому с детства портрет Г.Р.Державина кисти В.Л.Боровиковского (1811 г.). Это привело к любопытным наблюдениям.

Наряду с орденами Св. Иоанна Иерусалимского и Св. Владимира 2-го класса, на портрете изображен Орден Св. Александра Невского пожалованный Державину в день коронации Александра I в 1801 г.[8] Но орден Анны 1-го класса, лента которого была возложена на него Павлом в первый день 1798 г., обозначен на этом портрете крестом на шейной, а не на чресплечной ленте, причем Анненской звезды на мундире Державина нет.

Углубленное изучение правил ношения российских орденов показало, что при награждении кавалера ордена Св. Анны 1-й степени орденом Св. Александра Невского, Анненская звезда снималась, а крест переносился с чресплечной ленты на шейную. Правило это, введенное еще в XVIII в., было закреплено статутом ордена Св. Анны 1845 г.[9]; портрет Г.Р.Державина работы В.Л.Боровиковского — далеко не единственная иллюстрация к этому законоположению.

К этому следует добавить, что в русской наградной системе существовала строгая иерархия, определяющая значение всех степеней всех орденов по отношению друг к другу, а очередные награждения производились последовательно в порядке возрастания этого значения. Напомним эту последовательность:

[8] Державин Г.Р. Избранная проза. М., 1984, с. 212

[9] Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов. Изд. 2-е. СПБ, 1892, с. 291

Орден Св. Станислава 3-й степени
Орден Св. Анны 3-й степени
Орден Св. Владимира 4-й степени
Орден Св. Георгия 4-й степени
Орден Св. Станислава 2-й степени
Орден Св. Анны 2-й степени
Орден Св. Владимира 3-й степени
Орден Св. Георгия 3-й степени
Орден Св. Станислава 1-й степени
Орден Св. Анны 1-й степени
Орден Св. Владимира 2-й степени
Орден Св. Георгия 2-й степени
Орден Белого Орла
Орден Св. Александра Невского
Орден Св. Владимира 1-й степени
Орден Св. Георгия 1-й степени
Орден Св. Андрея Первозванного[10]

Не следует также забывать, что одной степенью дважды не награждали, а пожалование внеочередной наградой производилось в исключительных случаях. Рассказывая о заслугах своих соратников в сражении при Калише, кн. С.Г.Волконский отмечает в своих записках: «За это дело получил Винценгероде 2-го <класса> Георгия, Ланской 2-го <класса> Владимира, минуя Анну <1-го класса>, — и весьма заслужили эту награду.»[11]

Итак, если орден Св. Владимира 2-го класса нашим генералом не был получен в качестве внеочередной награды за особое отличие, то Анненский крест на его шее следует рассматривать как знак ордена Св. Анны 1-й, а не 2-й степени.

Одновременно с этим заключением было отмечено и другое важное обстоятельство, не принятое во внимание ранее: на эполетах генерала нет звездочек, введенных Николаем Павловичем 1-го января 1827 г.[12] Между тем

[10] См.: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1981, с. 208. Польские ордена Св. Станислава и Белого Орла были присоединены к русским орденам в 1831 г.

[11] Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991, с.236

[12] Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века, с.57.

отсутствие их означает, что воин, запечатленный на приютинской акварели, достиг высшего генеральского звания: ношение определенного количества звездочек на эполетах, было предписано всем военным чинам кроме пехотных и драгунских капитанов, казачьих есаулов и ротмистров регулярной кавалерии (старших среди обер-офицеров), полковников (старших среди штаб-офицеров), а также «полных» генералов (генералов от инфантерии, кавалерии, артиллерии и инженер-генералов).

Принадлежность к высшему эшелону русского генералитета резко ограничивала сферу поисков и делала целесообразным обращение к ежегодному двухтомному изданию «Месяцослов и Общий штат Российской империи», публиковавшему сведения о должностях и отличиях военных и гражданских чинов.

В результате сплошного просмотра «Месяцослова» на 1836 г. выяснилось, определенным выше сочетанием наград среди полных генералов в это время обладал лишь генерал от инфантерии Еремей Яковлевич Савоини[13] — участник более чем двадцати сражений турецких войн 1787-1789, 1806-1812 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813 и 1814 гг.[14]

Джеронимо Савоини родился 1 мая 1766 г.[15] во Флоренции. Приглашение соотечественника, впоследствии известного адмирала И.М. де Рибаса, побудило его семью покинуть Италию и переселиться в Новороссийский край. Поступив в 18 лет на русскую службу сержантом, Савоини навсегда связал свою судьбу с Россией.

---

13 См.: Месяцослов и Общий штат Российской империи. СПБ. 1836, т. 1, с. 157.

14 О Е.Я.Савоини см.: Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники. Т. 2. СПБ. 1845, очерк «Е.Я.Савоини», с. 1-5. (в дальнейшем: Михайловский-Данилевский А.И., Е.Я.Савоини, с указанием страниц очерка); Военная галерея 1812 года. СПБ. 1912, с. 215-216, № 244 (формулярный список за 1832 г., в сокращении). Сведения о Е.Я.Савоини, приводимые ниже без ссылок на источники, почерпнуты в этих изданиях. См. также: Колобкин Б. Савоини Е.Я. — Русский биографический словарь. «Сабанеев-Смыслов». СПБ. 1904, с. 35-38.

15 Саитов В. Петербургский некрополь. Т.IV. СПБ. 1913, с. 11.

Боевое крещение он получил в сентябре 1789 г. при штурме Хаджибейской крепости, на месте которой была позднее основана Одесса, и за отличие, на седьмом году службы, был произведен в офицеры. Но прапорщиком Савоини не прослужил и двух месяцев: участие в штурме Измаила принесло ему чин поручика и первую боевую награду — золотой измаильский крест со свидетельством за подписью Суворова.

В новую войну с Турцией (1806-1812) Савоини вступил уже опытным штаб-офицером, и в 1808 г. был назначен командиром Ладожского пехотного полка. В этой роли Савоини сочетал решительность и энергию талантливого военачальника с хладнокровием и отвагой испытанного бойца. Эти достоинства он в полной мере явил в решившем судьбу Бухареста сражении при Фрасине 29 августа 1809 г., когда полуторатысячный авангард отряда генерал-лейтенанта Ланжерона был атакован турецкой конницей, насчитывающей до 8000 сабель. «Я бы мог понести большие потери, — вспоминает в своих мемуарах А.Ф.Ланжерон, — если бы не редкая твердость и предприимчивость батальона Ладожского полка и его храброго командира майора Савоини, которые спасли дело, приняв весь удар на себя. Всякий другой батальон, менее стойкий на войне, мог быть опрокинутым и разбитым. <...> Батальон Ладожского полка быстро перешел как мост, так и ручей и, заняв небольшую площадку на большой дороге в Бухарест, перестроился в каре, где и был атакован турецкой конницей с такой злобою, какую я редко видел у турок. Босняк-ага, командовавший этим отрядом, смотрел на солдат этого батальона уже как на погибших. Босняк кидался в атаку пять или шесть раз, но всегда безуспешно. Трое турок, занесенные своими лошадьми вовнутрь каре, моментально погибли под ударами штыков. В течение часа этот храбрый батальон, окруженный турками, отбивал все нападения. Уже были израсходованы все патроны, но ни один человек не дрогнул. Майор Савоини, вполне достойный командовать такими солдатами, находился верхом среди каре, наблюдая за всеми, думая обо всем, руководя всем

и, подбадривая солдат, обещал скорую помощь, которая действительно скоро и явилась. В батальоне было уже 100 убитых и раненых, и ряды пустели, но потери турок были громадны <...>.»[16]

Владимир 4-й степени с бантом, тяжелая контузия и производство за отличие в следующие чины, Георгий 4-го класса, золотая шпага «За храбрость» и Анна 2-й степени[17] — вот итоги этой войны для подполковника Савоини. Но мир, последовавший за Бухарестским договором, подписанным Россией и Турцией 16 мая 1812 г., не продлился и месяца: 12 июня Наполеон перешел через Неман...

Отечественную войну Савоини начал командиром бригады 26-й пехотной дивизии И.Ф.Паскевича, входившей в 7-й пехотный корпус Н.Н.Раевского. После тяжелого отступления в составе 2-й армии П.И.Багратиона бригада Савоини сражалась под Салтановкой и обороняла Смоленск, где Савоини неоднократно водил батальоны двух своих полков в кровопролитные штыковые контратаки, защищая Королевский бастион, на который обрушился главный удар неприятеля.

В битве при Бородине задачей 26 пехотной дивизии была защита батареи Раевского. Видя в ней ключевой пункт русской позиции, Наполеон двинул на штурм огромные силы. Честно исполнив свой долг, Орловский и Нижегородский полки бригады Савоини полегли на обороняемом ими правом фланге люнета, заслужившего у французов имя «рокового редута». С утра отражая яростный натиск дивизий Брусье, Морана и Жерара, Савоини вновь и вновь бросался со своими орловцами и нижегородцами в штыки; батальоны его так поредели, что под ружьем не оставалось и пятисот человек[18]. «Долго

[16] Ланжерон А.Ф. Сражение при Фрасине. — Историческая летопись, 1916, № 10, с. 976.

[17] До 1870 г. при награждении орденом очередной, более высокой степени, знаки низших степеней не носились.

[18] Колюбакин Б. Савоини Е.Я., с. 37. Убитыми, ранеными и пропавшими без вести Орловский и Нижегородский полки потеряли при Бородине 876 человек. См.: Бородино. Документы, письма, воспоминания. М.,1962, с. 190.

при неравных средствах слабое укрепление наше держалось против сосредоточенного огня сильных неприятельских батарей, — писал позднее А.П.Ермолов, — но при находящихся в нем восемнадцати орудиях не было уже ни одного заряда, и угасший огонь их облегчил приближение французов.»[19] Двум полкам французского бригадного генерала Бонами удалось ворваться в укрепление — на батарее закипел жестокий рукопашный бой. Знаменитая атака Ермолова вернула редут русским. «По занятии возвышения, — вспоминает Ермолов, — я приказал бить сбор, и ко мне явился раненый полковник Савоини с малым числом офицеров и нижних чинов.»[20] Горсть уцелевших защитников батареи была сменена дивизией генерала П.Г.Лихачева, которой еще предстояло погибнуть на кургане. «Простреленного полковника 26 дивизии Савоини», как называет его в своих записках Денис Давыдов[21], отправили на лечение в тыл; бедро его было раздроблено картечью, пуля контузила локоть...

Через два месяца Савоини вернулся в свою дивизию генерал-майором, произведенным в это звание «за особую храбрость», проявленную при Бородине. Уже в ноябре, вновь встретившись с неприятелем в боях близ деревни Жерновка и при Красном, Савоини снова был удостоен «золотого оружия» — шпаги с алмазами и надписью «За храбрость». В последние дни 1812 г., преследуя французов, Савоини со своей дивизией перешел через Неман. Кампанию 1813 г. бригада Савоини начала в Польше, осаждая стратегически важную крепость Модлин; затем, пройдя через Пруссию и Богемию, с боями продвигалась к Дрездену. В сражении при Дрездене Савоини заслужил орден Св. Анны 1-го класса. После «Битвы народов» и штурма Лейпцига к его наградам прибавился орден Св. Владимира 3-й степени: командир корпуса Д.С.Дохтуров доносил главнокомандующему, что в

[19] Ермолов А.П. Записки. Ч.1. М., 1865, с. 199.

[20] Там же, с. 199.

[21] Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1940, с. 198.

атаке на городские укрепления Лейпцига, предпринятой полками 26-й дивизии, «особенно отличился мужеством и хладнокровием генерал-майор Савоини»[22]. Далее военная судьба вела Савоини через Магдебург и Гамбург, где состоялся ряд тяжелых боев.

5 февраля 1814 г. Савоини, приказом Дохтурова назначенный командиром отдельной штурмовой колонны, захватил отчаянно оборонявшийся французами остров Вильгельмсбург и сжег мост через Эльбу, связывавший с Гамбургом крепость Харбург. Во время штурма Вильгельмсбурга Савоини спас жизнь отважному подполковнику Карлу Ивановичу Теннеру — выдающемуся военному геодезисту и ученому-астроному[23]. «Храбрый воин не думал тогда, — пишет о Савоини его первый биограф, известный историк А.И.Михайловский-Данилевский, — что исторгает из челюстей смерти того, кому впоследствии отдаст руку единственной дочери...»[24] Через три недели, в ожесточенном сражении Савоини взял французские укрепления при Тифенстоке на острове Бильвердер. За Вильгельмсбург и Тифенсток Савоини был награжден орденом Св. Георгия 3-го класса. «Во всех сих делах, — свидетельствует А.И.Михайловский-Данилевский, — Савоини находился впереди своих колонн и везде один из первых всходил на неприятельские валы.»[25] По окончании наполеоновских войн Савоини командовал дивизией, потом корпусом. За службу, по-прежнему «усердную и ревностную», он был пожалован орденом Св. Владимира 2-го класса (1829) и орденом Св. Александра Невского (1830). В 1833 г. Савоини был произведен в генералы от инфантерии.[26] Служил он до конца своей

[22] Цит. по кн.: Михайловский-Данилевский А.И. Е.Я.Савоини. С. 4.

[23] О К.И.Теннере см.: Новокшанова З.К. Карл Иванович Теннер. М., 1957. За сражение при Вильгельмсбурге К.И.Теннер был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

[24] Михайловский-Данилевский А.И. Е.Я.Савоини. С.5.

[25] Там же.

[26] На церемонии производства 6 декабря 1833 г. присутствовал А.С.Пушкин, сделавший запись об этом в своем дневнике. См.: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. I-XVII. АН СССР. М.-Л., 1937-1959, т. XII, с. 317.

жизни; Еремей Яковлевич Савоини скончался в Петербурге 7 апреля 1836 г., не дожив трех недель до своего семидесятилетия и не увидав внука, родившегося на другой день и унаследовавшего его имя. Похоронили Савоини на Смоленском евангелическом кладбище[27].

Могилу его найти не удалось; разыскать потомков Савоини оказалось легче. Генерал оставил вдову — Людвигу Даниловну, сына Александра, корнета Л.-гв. Уланского полка и дочь Екатерину, вышедшую замуж за К.И.Теннера. Мужская ветвь потомков Савоини, по-видимому, пресеклась на Александре, но у Екатерины было три сына и три дочери. Фамилия Теннер встречается на страницах разнообразных справочников до первых лет нашего столетия, далее следы Теннеров теряются. Обратившись наудачу к генеральному каталогу Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина я неожиданно обнаружил в нем библиографические сведения о сборнике научных трудов по природному сырью Кольского полуострова, изданном в Ленинграде в 1972 г. под редакцией Д.Д.Теннера.

К вящему удивлению, служба «09» незамедлительно выдала мне его телефон. Прошу к телефону Дмитрия Дмитриевича.

— Дмитрий Дмитриевич умер два года назад.

Приношу свои извинения. Спрашиваю, не был ли он сыном Дмитрия Эдуардовича Теннера, генерал-майора?

— Был.

— Но ведь Дмитрий Эдуардович был внуком...

— ...астронома и геодезиста Карла Теннера.

— А Вам известно, что Карл Иванович был зятем...

— ...генерала Савоини, героя 1812 года? Да, конечно.

Так состоялось знакомство с потомками Е.Я.Савоини в пятом поколении — Галиной Дмитриевной Голицынской, преподавателем Ленинградского медицинского училища № 8, и Дмитрием Александровичем Бутыриным, главным архитектором объединения «Реставратор».

[27] Саитов В. Петербургский Некрополь. СПБ, 1913, т. IV, с.11 и 237.

В семье Г.Д.Голицынской сохранился датированный 1836 г. «Формулярный список о службе и достоинстве генерала от инфантерии Савоини», довершающий несколькими выразительными чертами образ самоотверженного и бескорыстного воина.

Так, из этого документа следует, что вся недвижимая собственность заслуженного генерала, долгие годы командовавшего полком, бригадой, дивизией и корпусом, состояла в «одном небольшом каменном доме» в Одессе. Значительная часть долга по ссуде, предоставленной Савоини правительством, была погашена казной «в уважении отлично ревностной службы и весьма недостаточного состояния»... Эти факты — яркое свидетельство безукоризненной честности безродного итальянца, родовитые современники которого нередко переходили из гвардии в армию специально для того, чтобы, командуя полками, бригадами и дивизиями, «доходами с них поправить свои пошатнувшиеся дела»[28].

Не менее красноречиво о «службе и достоинстве» Савоини говорит и та строка его послужного списка, из которой явствует, что за полвека, проведенных им в строю, в «домовых отпусках» он не бывал ни разу.

В его формуляре есть и другая знаменательная запись: «По-российски, итальянски, по-французски читать и писать умеет.» В отличие от многих иностранцев на русской службе, Савоини приобщился к языку и культуре своей второй родины. В 1821 г. он принял русское подданство; надпись на его могиле была исполнена на русском языке.

Но вернемся к приютинским портретам. Судя по возрасту той немолодой дамы, черты которой запечатлены на акварели, парной портрету генерала, на ней изображена его жена Людвига Даниловна Савоини. Ей довелось намного пережить мужа: один из документов архива Г.Д.Голицынской позволяет заключить, что Л.Д.Савоини умерла не ранее 1850 г. После ее смерти портреты,

[28] Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего Дворца. Л., 1981, с. 27.

очевидно, перешли к Екатерине Еремеевне Теннер. Д.А.Бутырин, знаток семейной генеалогии, сообщил, что в конце прошлого века Теннеры породнились с Оливами: правнук генерала Савоини Дмитрий Эдуардович Теннер (1869-1921) женился на Наталье Вивияновне Олив (1879-1952). После этого, по всей вероятности, портреты и оказались в собрании семьи Олив, на которое указывала их последняя владелица.

Произведенный в генералы за Бородино, Савоини оказался в числе тех подвижников 1812 г., чьи портреты должны были украсить собою Военную галерею Зимнего дворца. Эрмитажный и приютинский портреты обнаруживают несомненное сходство[29], хотя живописный портрет, вышедший из мастерской Дж.Доу, выполнен, по меньшей мере, двенадцатью годами ранее акварельного: Доу покинул Россию в 1828 г. На портрете из собрания «Приютина» Савоини выглядит несколько моложе своих лет, но достоверное свидетельство современника позволяет думать, что художник, имя которого скрыто под монограммой «R», проник во внутренний мир своей модели глубже, чем автор портрета Военной галереи.[30] «Справедливый и строгий исполнитель своих обязанностей, Савоини умерял добротою врожденную строгивость своего нрава и снискивал тем уважение и привязанность своих подчиненных. Наружность его носила отпечаток итальянского происхождения. Большие черные глаза блистали отвагою и решимостью, а правильные черты лица были всегда оживлены. Преждевременные седины покрывали его голову, много раз носимую им в бой за

[29] На приютинском портрете Савоини изображен с усами, ношение которых пехотным офицерам и генералам не разрешалось до 8 июня 1832 г. (Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, ч. 27, с. 52.)

[30] Известно, что многие генералы, не имевшие возможности позировать Джорджу Доу, присылали в Петербург свои портреты, которые копировались в установленном формате помощниками Доу А.Поляковым и В.Голике. В период создания Военной галереи (1819-1826) Савоини служил вдали от столицы; с 1816 по 1829 гг. он командовал дивизией, входившей в состав Отдельного Литовского корпуса. Подписи Дж.Доу на живописном портрете Савоини нет, не исключено поэтому, что портрет из Галереи 1812 г. представляет собою копию с другого, не дошедшего до нас изображения Савоини.

Россию. До предсмертной болезни своей он всегда сохранял бодрость духа, и движения его были живые и быстрые.»[31]

Портрет в Военной галерее Зимнего дворца долгое время считался единственным оригинальным изображением Е.Я.Савоини. Акварель из собрания музея «Приютино» стала еще одним памятником в иконографии героев великой эпопеи 1812 года.

ГЕРОЙ АУСТЕРЛИЦА И ФРИДЛАНДА

В 1985 г. в музей «Приютино» поступили два портрета начала XIX века, приобретенные у семьи ленинградских художников Максимовых. По их словам, на портретах была изображена чета неких Уваровых; женский портрет, сообщили они со слов прежних владельцев, принадлежит, кажется, кисти Тишбейна[1] и воспроизведен в одном из дореволюционных художественных журналов. На этом портрете запечатлена молодая дама в тюрбане и платье декольте с накинутой на плечи шалью; с мужского портрета на нас смотрит молодой военный. Их можно счесть сверстниками и современниками, но признать портреты парными трудно: они разнятся по формату; обе модели обращены в одну сторону[2] и даны в различных ракурсах; женский портрет исполнен поколенно, военный написан по пояс. Кроме того, если достаточных оснований для сомнений в авторстве Тишбейна дама в тюрбане, казалось, не давала, то военный неуловимой застылостью своей позы вызывал отчетливые ассоциации с портретами неизве-

[31] Михайловский-Данилевский А.И., с.5. Эти слова принадлежат, по всей вероятности, К.И.Теннеру, пересмотревшему и дополнившему биографию Савоини в этом издании.

[1] Иоганн Фридрих Август Тишбейн (1750-1812), немецкий живописец, портретист, работал в Петербурге в 1806-1808 гг. — См.: Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись. Каталог 2. Л., 1981, с. 210.

[2] Парные портреты исполнялись, как правило, анфас или в ракурсе друг к другу.

Первоначальная атрибуция: Неизвестный художник. (И. Ф. А. Тишбейн?)
Портрет неизвестного из рода Уваровых.
Холст, масло. Начало XIX в. Музей «Приютино».

стных офицеров 1800-х гг. работы Ромбауэра — измайловца из собрания Русского музея[3] и конногвардейца из знаменитой коллекции В.В.Ашика (1905-1985): Виктор Владимирович говаривал, что на ранних ромбауэровских портретах все проглотили по аршину...

Эти обстоятельства ставили под сомнение и без того весьма расплывчатую легенду, проверить которую можно было только сплошным просмотром дореволюционных художественных журналов («Аполлон», «Столица и усадьба», «Мир искусства», «Старые годы»...) и установлением личности военного по его мундиру и орденам.

Пренебрегать не следовало ни тем, ни другим.

На портрете изображен молодой еще офицер или генерал[4] в колете — мундире тяжелой кавалерии, опознаваемом по белому цвету, присвоенному кирасирам вообще.[5] По серебряным петлицам на красном вороте он безошибочно определяется как кавалергард[6]. Под серебряной лядуночной перевязью кавалергарда изображена красная лента ордена Св. Александра Невского, из-под которой в свою очередь, видна александровская звезда. На шее его знаки орденов Св. Георгия и Св. Владимира III классов, командорский крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского и орден Св. Анны. «Анна на шее» — знак II степени этого ордена; первая степень обозначалась звездой на правой стороне груди и лентой через левое плечо, сколотой на бедре анненским крестом. Однако при получении кавалером Анны I класса более высокого ордена Св. Александра Невского анненская звезда снималась, а крест переносился с чресплечной ленты на более узкую шейную[7]. Следовательно, анненский крест на

[3] См.: Государственный Русский музей. Живопись. XVIII — начало XX века. Каталог. Л., 1980, с. 279, № 5002; воспроизведение на с. 280.

[4] «До учреждения в 1808г. особого генеральского мундира генералы носили во всех случаях мундиры тех полков и частей, в коих состояли» — Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. XVII, с.21.

[5] Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII- начала XX века. Л., 1968, с. 44, 48.

[6] Там же, с. 44.

[7] См. с.16-17.

шее изображенного означает не 2-ю, а 1-ю степень ордена Анны.

Отсутствие эполета на левом плече, введенного 17 сентября 1807 г.[8] свидетельствует, что портрет написан до этого времени. На этот период орденами Иоанна Иерусалимского, Георгия и Владимира III степени, Анны I класса и Александра Невского среди офицеров и генералов, имеющих право на ношение кавалергардского мундира, располагал лишь шеф кавалергардов генерал-лейтенант Федор Петрович Уваров[9].

Судьбы офицеров и генералов Л.-гв. Кавалергардского полка весьма полно освещены в фундаментальном труде под редакцией С.Панчулидзева[10]. Очерк об Ф.П.Уварове открывает собою том «Сборника биографий кавалергардов», посвященный александровскому правлению. К сожалению, сведения о наградах в этом очерке неполны, — а между тем дата пожалования генералу следующего, не изображенного ордена, способна уточнить время создания портрета. Обратившись к «Придворному месяцослову», ежегодно печатавшему списки кавалеров высших орденов, мы узнаем, что высшая награда, изображенная на портрете, орден Александра Невского, была пожалована Уварову 23 января 1806[11]; 14 сентября 1807 г. генерал был удостоен Владимира II класса[12], которого на портрете нет. Это позволяет датировать портрет Уварова периодом с 23 января 1806 по 14 сентября 1807.

Параллельно с наведением справок о мундире и знаках отличия, запечатленных на этом полотне, поиски воспроизведения женского портрета велись и в художе-

[8] [Висковатов А.В.] Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Издание 2-е. Т I-XIX. СПБ, 1899-1902, т XV, с.11

[9] Месяцослов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской империи на лето от Р.Х. 1807, ч.1, СПБ., с. 41-42.

[10] Панчулидзев С. Сборник биографий кавалергардов. Т. I-IV. СПБ, 1901-1903

[11] Придворный месяцослов на лето от Р<ождества> Х<ристова> 1808. СПБ, s.a., с.127.

[12] Там же, с. 219.

ственных журналах; хранитель музея «Приютино» Л.Г.Агамалян обнаружила его в статье В.Верещагина о модах александровской эпохи, опубликованной в 1908 в журнале «Старые годы», где его репродукция значилась портретом М.Ф.Уваровой (супруги шефа кавалергардов) кисти Ромбауэра[13]. Это косвенно подтверждало первоначальное предположение о том, что портрет генерала был написан молодым Яношем Ромбауэром. Окончательно авторство Ромбауэра подтвердилось в 1989 г., когда при реставрации портрета Ф.П.Уварова на нем была обнаружена подпись венгерского живописца.

Иоганн (Ян, Янош) Ромбауэр (28.V.1782-12.II.1849) приехал в Россию в 1806 г. В обстоятельном реестре его произведений, скрупулезно составленном А.Тихомировым, портрет М.Ф.Уваровой датирован 1806 г. и числится первым, но местонахождение его считается неизвестным[14]. О существовании ромбауэровского портрета Федора Уварова, — едва ли не самого раннего в иконографии генерала, — до его приобретения и определения никто не знал.

Генерал Ф.П.Уваров всецело принадлежал своему времени — эпохе, которую в России называли александровской, а во Франции — наполеоновской: он появился на свет за четыре месяца до рождения Наполеона, 16 апреля 1769 года, и умер за год до смерти Александра, 20 ноября 1824 года. Свое замечательное воплощение эта бурная и своеобразная эпоха нашла в яркой судьбе Федора Петровича Уварова.[15]

[13] Верещагин В. Женские моды Александровского времени. — Старые годы, 1908, июль-сентябрь, с.480-481, 492.

[14] Ценный труд А.Тихомирова был опубликован на французском языке в Венгрии. См.: Tihomirroff A. Rombauer en Russie. — Bulletin de la Galerie Nationale Hongroisse III, 1961, Bp. pp. 5-38.

[15] О Ф.П.Уварове см.: Бехтеев А.А. Некрология Федора Петровича Уварова. СПб., 1825; Император Александр I и его сподвижники. Т.III. СПБ., 1846, очерк «Ф.П.Уваров»; Чулков Н. Федор Петрович Уваров. В кн.: Сборник биографий кавалергардов. Т.III, 1801-1826. Под ред. С.Панчулидзева. СПБ, 1906, с.1. В дальнейшем биографические данные, приведенные без ссылок на источники, почерпнуты из очерка Н.Чулкова.

Отец его, Петр Ильич, отставной бригадир, жил в своем скромном тульском имении Хруславка Веневского уезда; как водилось в то время, он записал своего сына в артиллерию сержантом в шестилетнем возрасте (1775), но настоящую службу Федор Уваров начал лишь 1 января 1788 г., будучи «выпущен», как писали тогда в послужных списках, в Софийский полк капитаном. Секунд-майором Смоленского драгунского полка он принял участие в боевых действиях во время польской кампании 1792-1794 гг. Когда в ночь на 6 апреля 1794 г. польские повстанцы напали на русские войска в Варшаве, Федору Уварову пришлось в продолжение 36 часов отбиваться от мятежников; ему удалось пробиться сквозь многочисленные их толпы и выйти из города. За варшавский подвиг он был произведен в премьер-майоры. Затем он сражался с поляками в Литве и участвовал во взятии Вильны; 12 апреля 1798 г. Уварову был присвоен чин полковника. Этот год был знаменателен для Федора Уварова и тем, что в это время в Москве, где квартировал его Екатеринославский кирасирский полк, он сблизился с Е.Н.Лопухиной, рожденной Шетневой, супругой сенатора П.В.Лопухина. Связь со стареющей сенаторшей стала своего рода трамплином в его карьере. Во время коронационных торжеств Павел I романтически увлекся падчерицей Екатерины Николаевны, юной Анной Лопухиной. Памятником этого увлечения стал девиз «Благодать» (значение имени «Анна» в древнееврейском языке), украсивший собою знамена Российской армии и клинки офицерских шпаг; «благодать» снизошла также на семью новой фаворитки императора, а вместе с нею — и на Федора Петровича. Семья Лопухиных, осыпанная монаршими милостями, переехала по настоянию Павла в Петербург; за нею, по требованию Екатерины Николаевны к новому месту службы в столицу был переведен и полковник Уваров. Страсть, внушенная Федором Уваровым Лопухиной была нешуточной: когда Уварову было отказано в получении ордена Анны 1-й степени, о чем хлопотала перед императором мачеха его фаворитки, между Екатериной Николаевной и Федором Пе-

тровичем произошла ссора, в результате которой Лопухина предприняла попытку отравиться — впрочем, неудачную. Тем не менее, ее забота о карьере возлюбленного давала свои плоды, и Федору Уварову не приходилось жаловаться на медленное продвижение по службе: его карьера была молниеносной. 3 сентября 1798 г. он был переведен в Конную гвардию и через полтора месяца, 19 октября был пожалован званием «генерал-адъютанта с производством в генерал-майоры». Сама эта изумительная формулировка свидетельствует, кажется, о поспешности назначения Ф.П.Уварова генерал-адъютантом: это назначение опережает производство в генеральское звание, служившее непреложным условием пожалования в генерал-адъютанты. В начале 1799 года Федор Уваров обрел и желанную Анну 1-й степени. Еще через полгода, 9 августа 1799 г. Федор Петрович был назначен шефом новообразованного Кавалергардского корпуса, переформированного впоследствии в Кавалергардский полк; шефом кавалергардов Федор Уваров состоял до самой своей кончины. В 1800 г. Федор Уваров был награжден орденом Иоанна Иерусалимского, а 5 ноября этого года произведен в генерал-лейтенанты.

Итак, у Федора Уварова не было оснований быть недовольным императором Павлом: он был осыпан его милостями. Но при дворе Павла Петровича безоблачная погода долго не длилась. Можно думать, что беспрепятственное продвижение по служебной лестнице должно было со временем стать для Федора Уварова источником беспокойства. В пестрой мозаике мемуарных свидетельств, воскрешающих события 11 марта 1801, Федор Уваров предстает решительным, твердым и развязно-веселым... Приводя последний свой разговор с обреченным императором, состоявшийся в шестнадцать минут одиннадцатого, Н.А.Саблуков вспоминает, что «Уваров, все это время, за спиною государя, делал гримасы и усмехался...»[16] Однако ерничество Федора Уварова, безусловно, не было проявлением расчетливого цинизма; он сумел уклониться от участия в трагическом финале заговора, безошибочно избрав в нем единственно благодарную роль: будучи назначенным в день цареубийства дежурным генерал-адъютантом, Уваров взял на себя охрану наследника Александра Павловича. Императору Александру Федор Уваров был верен до самой своей смерти и был искренне любим Александром. Но его участие в заговоре не было забыто современниками; А.С.Пушкин записал в своем дневнике: «На похоронах Уварова покойный государь <Александр — В.Ф.> следовал за гробом. Аракчеев сказал громко (кажется, А.Орлову): Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?»[17] Тем не менее, в отличие от других участников заговора, под тем или иным предлогом удаленных из Петербурга или подвергшихся прямой опале по восшествии Александра на престол, Федор Уваров не только не лишился расположения императора, но и добился новых знаков монаршей благосклонности, разделив ее с теми немногими, кто сохранил во время переворота верность присяге. Удаляясь весной 1801 года из Петербурга, императрица Мария Федоровна пожелала, чтобы караул в Павловске нес эскадрон Конной гвардии под командой Н.А.Саблукова. «Я тотчас был командирован в Павловск, — вспоминал Саблуков, — и эскадрон мой по особому повелению государя, был снабжен новыми чепраками, патронташами и пистолетными кобурами с андреевской звездою, имеющею, как известно, надпись с девизом «за Веру и Верность». Эта почетная награда, как справедливая дань безукоризненности нашего поведения во время заговора, была дана сначала моему эскадрону, а затем распространена на всю Конную гвардию. Кавалергардский полк, принимавший столь деятельное участие в заговоре, был чрезвычайно обижен, что столь видное отличие дано было исключи-

[16] Саблуков Н.А. Записки Н.А.Саблукова. В кн.: Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. М.,1990, с.80.

[17] Пушкин А.С. ПСС в 16-ти тт., АН СССР М.-Л., 1937-1959, Дневник, т.XII, с.321.

тельно нашему полку. Генерал Уваров горько жаловался на это, и тогда государь, в видах примирения, велел дать ту же звезду всем кирасирам и штабу армии, что осталось и до нашего времени.»[18]

Этот знак благоволения императора к Федору Петровичу не был единственным: Федор Петрович стал ближайшим наперсником молодого государя и непременным его спутником в регулярных прогулках по Петербургу. Свое положение в свете Федор Петрович упрочил женитьбой на графине Марии Федоровне Зубовой. Блиставшая в аристократических гостиных введенным ею в моду танцем с шалью, графиня Зубова, рожденная Любомирская, в первом браке Потоцкая, овдовела в 1804 году; к этому времени Уваров был знаком с нею лет десять: в 1795 или 1796 году он был откомандирован от Владимирского драгунского полка «на бессменные ординарцы» ко второму ее супругу, графу Валериану Александровичу Зубову для присмотра за его лошадьми...

Брак с графиней М.Ф.Зубовой был непродолжительным: в 1810 году Мария Федоровна скончалась, оставив Ф.П.Уварову огромное состояние, унаследованное ею от первого мужа. Мы не знаем, был ли счастлив Федор Петрович с Марией Федоровной — известно только, что судьба отпустила им слишком мало времени: в 1805 году Россия вступила в десятилетнюю череду непрерывных войн; Федор Петрович Уваров участвовал почти во всех этих войнах.

В войне 1805 года Федор Петрович Уваров отличился в роковой битве при Аустерлице. Несмотря на смятение, воцарявшееся в союзных войсках, три вверенных Уварову кавалерийских полка — Елизаветградский гусарский, Харьковский и Черниговский драгунские — самоотверженно контратаковали французскую конницу, напав на ее передовые силы — дивизию Келлермана, состоявшую из восьми полков. Бросив два своих полка в отчаянную фронтальную атаку и охватив правый фланг Келлермана третьим, Уваров опрокинул пять передних полков французской дивизии. Разумеется, у Уварова не было никаких шансов на дальнейший успех, и подоспевшая французская бригада Себастиани вместе с остальными тремя полками дивизии Келлермана обратили уваровских гусар и драгун вспять. Но когда увлеченные преследованием французы были неожиданно встречены огнем русской пехоты, Уваров вновь устремился в безнадежную атаку. Его поредевшие эскадроны столкнулись со свежей дивизией Вальтера, были разбиты ею и потеряли свою артиллерию... Тем не менее стойкость и мужество, проявленные Уваровым и его подчиненными, сорвали маневр французской кавалерии, обеспечив Багратиону возможность отступить к Аустерлицу.

В числе немногих награжденных за участие в этой битве, Федор Петрович был удостоен ордена Св. Георгия III класса. Сражением при Аустерлице окончилась кампания 1805 года; по ее завершении генерал Уваров был награжден орденом Св. Александра Невского. Но мир был недолог: в конце 1806 года Россия вступила в новую войну с Наполеоном. Беннигсен поручил Уварову командование кавалерией правого фланга армии — эта должность не была синекурой: последние дни весны 1807 года были ознаменованы ожесточенными боями. 2 июня он принял участие в окончившейся тяжким поражением битве при Фридланде, и здесь, как в битве при Аустерлице, самоотверженная кавалерийская атака Уварова спасла жизнь многим сотням русских солдат. После сражения Федор Петрович был назначен дежурным генералом; благодаря его энергии и распорядительности наши войска успешно переправились через Неман, разделивший собою русскую и французскую армии.

Заключению мира между Наполеоном и Александром предшествовала их знаменитая встреча на плоту, сооруженном посреди Немана, на противоположных берегах которого стояли лагерем русские и французские войска

[18] Саблуков Н.А. Ук. соч., с.104.

(13 июня 1807 г.)[19]. Наряду с великим князем Константином Павловичем, главнокомандующим Беннигсеном, министром иностранных дел Будбергом, графом Ливеном и князем Лобановым-Ростовским в число шести спутников государя был включен и Федор Петрович Уваров. Во время этой встречи Наполеон обменялся несколькими приветственными фразами со всеми приближенными Александра; в беседе с Уваровым Бонапарт с уважением вспомнил о его подвиге при Аустерлице... На портрете кисти Ромбауэра Уваров предстает перед нами таким, каким он впервые предстал перед императором французов. Выехав в действующую армию 8 февраля 1807 г., генерал возвратился в Петербург лишь по заключении 27 июня Тильзитского мира — по-видимому, вместе с императором, вернувшимся в столицу 4 июля 1807 г.[20] Это позволяет нам в очередной раз конкретизировать датировку портрета: он был написан Ромбауэром между 23 января 1806 и 8 февраля 1807 гг. или между 4 июля и 14 сентября 1807 г.

...

По свидетельству современников, Ф.П.Уваров принадлежал к числу самых доверенных приближенных Александра, почти не отпускавшего его от себя. В начале 1821 г. император возвел Ф.П.Уварова в графское достоинство, а 1 ноября 1821 г. поручил ему командование гвардейским корпусом. 30 августа 1823 г. государь назначил графа членом Государственного совета, а 12 декабря того же года блистательную карьеру Федора Петровича увенчала высшая награда Российской империи — орден Св. Андрея Первозванного.

[19] Это свидание описано Денисом Давыдовым. См.: Давыдов Д.В. Тильзит в 1807 году. В кн.: Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1940, с. 122-124.

[20] Шильдер Н.К. Александр I. — Русский Биографический словарь. Т.I. СПБ, 1896, репринтное переиздание, М., 1992, с. 216.

Этой головокружительной карьере не помешали ни более чем посредственное образование, ни ограниченные способности Уварова, традиционно отмечавшиеся мемуаристами. Особенно много поводов для насмешек давал Федор Уваров своим французским языком. Как рассказывает Н.К.Шильдер, «однажды Уваров и Милорадович, оба известные дурным французским, горячо разговаривали о чем-то; Александр Павлович спросил известного острослова, гр. Александра Федоровича Ланжерона, французского эмигранта, до конца жизни не сумевшего овладеть русским в совершенстве, о чем они говорят. — Извините, государь, — ответил Ланжерон: я их не понимаю — они говорят по-французски.»[21] С дурным французским, отличавшим Федора Уварова, было связано его общеизвестное прозвище «Генерал Je». «Уваров, — писал кн. П.А.Вяземский, — иногда удачно поражал французов на поле сражения, но еще удачнее и убийственнее поражал французский язык в разговоре. Охота была смертная, а участь горькая. Известен ответ его Наполеону, когда тот спросил его, кто командовал русской конницей в блестящей атаке в каком-то сражении: «Je, sir»[22]. Обратим, однако, внимание на то, что Вяземский говорит о «блестящей атаке в каком-то сражении». Между тем, это были атаки под Аустерлицем, Гейльсбергом и Фридландом, где мужество и хладнокровие Уварова спасали войска от уничтожения... Вспоминая битву при Шевардине, Д.Давыдов писал, словно отвечая на иронию кн. П.А.Вяземского: «Бой ужасный! Нас обдавало градом пуль и картечей, ядра рыли колонны наши по всем направлениям... Кости трещали! Коновницын отослал назад пехоту с тяжелою артиллерией и требовал умножения кавалерии. Уваров прибыл с своею и великодушно поступил под его начальство. Я сам слышал, как он сказал ему: «Петр Петрович, не то вре-

[21] Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. IV, СПБ, 1899, с. 464.

[22] Вяземский П.А. Письмо А.Я.Булгакову. Русский архив, 1879, № 5, с.111.

мя, чтобы считаться старшинством; вам поручен арьергард, я прислан к вам на помощь, — приказывайте!» Такие черты забываются, зато долго помнят каждую погрешность против правил французского языка истинного россиянина!»[23]

Среди замечательнейших качеств Ф.П.Уварова нужно упомянуть и его бескорыстие. Известно, что в течение 17 лет он вел судебную тяжбу из-за значительной суммы денег. Выиграв этот процесс, он передал 50 тысяч рублей в комитет попечения о раненых воинах, членом которого состоял, а от остальных 100 тысяч отказался в пользу соперников. В знак признательности своим соратникам-гвардейцам он ассигновал 400 тысяч рублей на сооружение памятника товарищам по оружию. Деньги эти составили треть стоимости Нарвских триумфальных ворот, открытых в Петербурге 17 августа 1834 года; под сводом их арки и сегодня можно прочесть: «Сооружены с значительным денежным участием начальствовавшего гвардейским корпусом генерала Уварова».

Весной 1824 года Ф.П.Уваров заболел; осенью болезнь его обострилась, и после мучительных операций, перенесенных им с замечательной стойкостью, он умер в Зимнем дворце в 2 часа дня 20 ноября 1824 года, на 56 году жизни.

По свидетельству одного из соратников, Федор Петрович Уваров «был красавец в молодости, и сохранил в преклонных летах мужественную наружность. Всегда одетый щеголем, рисуясь на статном коне, он был неустрашим в бою. Вежливый, снисходительный, услужливый, он пользовался общим уважением в России...»[24]

[23] Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий. В кн.: Военные записки. М., 1940, с. 206.

[24] Михайловский-Данилевский А.И. Ук.соч., с.7.

P.V. И P.A. SOLTYKOFF — «РИСОВАЛЬЩИКИ НЕ ИЗ ПОСЛЕДНИХ»

В 1981 музей «Приютино» приобрел у ленинградского коллекционера Ю.И.Чистякова превосходную акварель с подписью «P.V.Soltykoff» и датой «1822».

Запись в Книгу поступлений трудностей не вызвала:

П.В.Салтыков.

Смотр гусарского полка[1].

На переднем плане изображена группа офицеров, объезжающих строй гусар. На заднем плане — пустынный ландшафт с бедными хатами вдалеке. 1822

Бумага, наклеенная на картон, акварель.

35 x 53

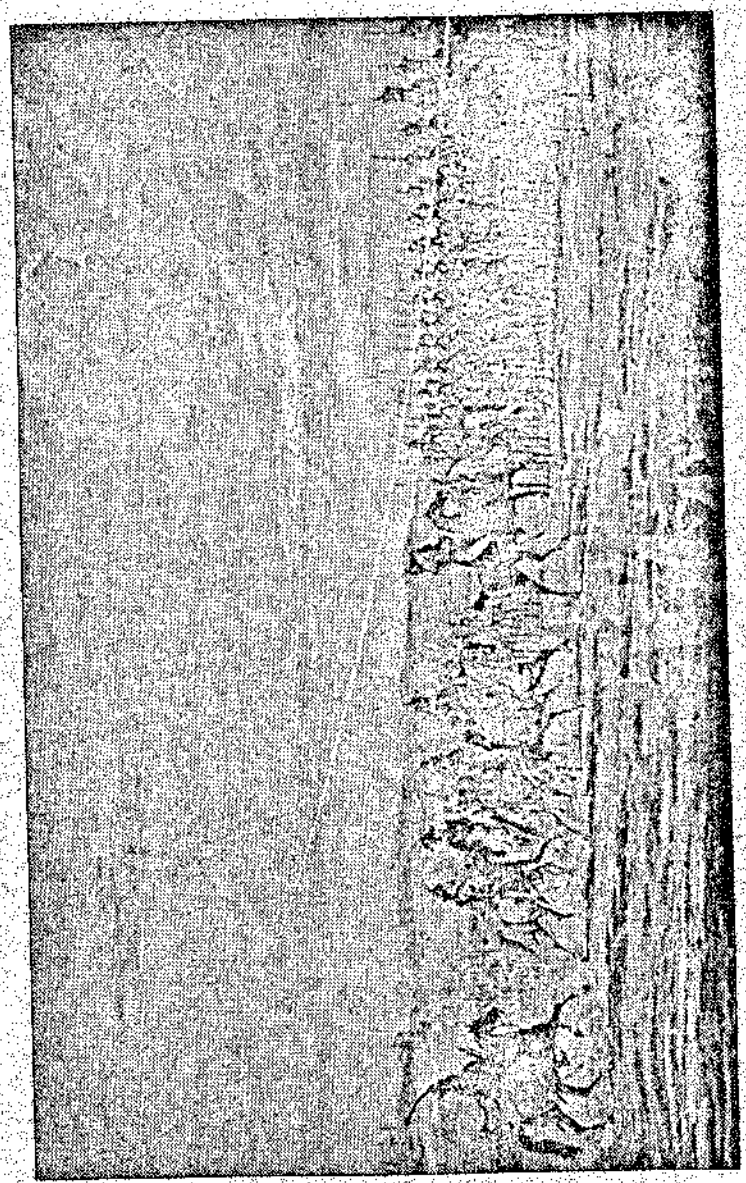
Однако для Научной инвентарной книги этих сведений было явно недостаточно. Кто такой П.В.Салтыков? Когда он родился и умер? Какой полк изобразил он на своем листе? С каким событием связан этот смотр?

Если допустить в качестве рабочей гипотезы, что П.В.Салтыков служил в изображенном им полку, то ответы на эти вопросы можно было искать двумя путями: идти от изображения к личности автора, или от имени автора — к сюжету акварели; другими словами, определив полк по мундирам, отыскать по его спискам П.В.Салтыкова, или, установив по справочной и генеалогической литературе личность П.В.Салтыкова, определить полк, в котором он служил.

Второй путь представлялся нам тогда более рациональным и надежным, поскольку изображение обмундирования при избранном Салтыковым масштабе, казалось, не могло быть достаточно детализированным и отчетливым, чтобы дать основания для безошибочного заключения[2], тем более, что в 1822 г. в России насчитыва-

[1] Воинское соединение, изображенное на акварели, легко опознается как гусарский полк по ментикам, присвоенным лишь гусарам и носившимся на одном плече: прообразом ментика послужила шкура барса, предохранявшая левую руку от сабельного удара.

[2] Добавим, забегая вперед, что это мнение было не вполне основательно.



Первоначальная атрибуция: П. В. Салтыков. Смотр гусарского полка. Бумага (наклеенная на картон), акварель. 1822. Музей «Приютино».

лось тринадцать гусарских полков — гвардейский Лейб-Гусарский и целая дюжина армейских: Гродненский, Елизаветградский, Изюмский, Сумский, Мариупольский, Ахтырский, Александрийский, Иркутский, Павлоградский, Белорусский, Ольвиопольский и Лубенский[3].

Но и поиски биографических данных об авторе в родословии князей, графов и дворян Салтыковых обнадеживающих результатов не дали: среди них оказалось лишь два человека с этими инициалами — Петр Владимирович, умерший в 1806 и Петр Васильевич, которому в 1822 было не менее 67 лет[4]. Из-за этих обескураживающих неудач работа над атрибуцией «Смотра гусарского полка» была надолго отложена...

Ключ был найден случайно. На одном из графических листов Ф.П.Толстого наше внимание привлекла подпись художника: «Г:Ѳ:Толстой» — граф Федор Толстой[5]. Это породило предположение, что в инициалах P.V., предшествующих фамилии Soltykoff, имя автора обозначено литерой V, тогда как буква P означает его титул. Это предположение подтвердилось: при обращении к художественному наследию Г.Г.Гагарина оказалось, что он зачастую подписывал свои произведения монограммой «КГГ» — князь Григорий Гагарин. Это окончательно утверждало в мысли, что подпись P.V.Soltykoff может быть трактована как Prince V.Soltykoff — князь В.Салтыков. Новое обращение к генеалогической литературе позволило без труда установить имя автора «Смотра гусарского полка».

---

[3] Звегинцов В.В. Русская армия, ч. IV. 1801-1825. Париж, 1973, с. 360. Определение иконографии армейских гусар значительно облегчено теперь изданием «Гусары эпохи 1812 года» (М., 1990), подготовленным Центральным государственным Военно-историческим архивом.

[4] Российская родословная книга, издаваемая кн. Петром Долгоруковым, ч. 2, СПБ, 1855.

[5] «Пашущий крестьянин». Бум., акв. 1811. ГЭ (Р.933) — см.: Кузнецова Э.В. Федор Петрович Толстой. М., 1977, с. 252.

Начало княжеской ветви Салтыковых положил генерал-фельдмаршал Н.И.Салтыков (1736-1816), воспитатель великого князя Александра Павловича, председатель Государственного совета и Комитета министров, возведенный в княжеское достоинство 31 августа 1814. Среди потомков Н.И.Салтыкова в 1822 оказался лишь один В.Салтыков — его внук, князь Владимир Дмитриевич, сын слепорожденного кн. Дмитрия Николаевича[6]. Вновь прибегнув к «Месяцослову» на 1822 г., мы находим новое подтверждение своим предположениям: кн. Владимир Дмитриевич Салтыков 2-й числится корнетом в Л.-гв. Гусарском полку[7].

Полковая история свидетельствует, что в 1822 г. лейб-гусарский мундир состоял из красных ментий, красных доломанов с синими воротником и такими же обшлагами (с 20 ноября 1809 г.), синих чакчир «с выкладкой напереди, по боковым швам и назади» золотом у офицеров и желтым гарусом у нижних чинов (с 25 апреля 1809 г.) и киверов, обтянутых красным сукном (с 18 февраля 1819); лошади в Л.-гв. Гусарском полку покрывались синими вальтрапами[8].

Только теперь, сравнив с описанием обмундирования Л.-гв. Гусарского полка на 1822 г. экипировку кавалеристов на изучаемой акварели, мы убеждаемся в том, сколь любовно-точно изобразил форму своего полка лейб-гусарский корнет кн. Владимир Салтыков 2-й[9]. Но что за смотр запечатлел он на своей акварели?

На окрестности Царского Села, где дислоцировался Л.-гв. Гусарский полк, пустынный пейзаж, служащий

[6] Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая кн. Петром Долгоруковым, ч.II, СПБ, 1855, с. 80.

[7] Месяцослов и Общий штат Российской империи на лето от Р<ождества> Х<ристова> 1822, ч. 1, с. 196.

[8] Манзей К.Н. История Л.-гв. Гусарского его величества полка. 1775-1857. СПБ, 1859, т. I, с. 156-166.

[9] По приобретении исследователем некоторого опыта определение с первого взгляда изображенного полка как Л.-гв. Гусарского не составит для него затруднений; взявшись за атрибуцию акварели Салтыкова, автор таким опытом еще не располагал.

фоном салтыковскому смотру, не похож. Полковая хроника сообщает, что «в 1821 г., 2-го мая Л.-гв. Гусарский полк в полном составе выступил в город Велиж; прибыл туда 15 июня и поступил с прочими войсками гвардии в состав Первой армии под начальство генерала от инфантерии барона Сакена. 3 сентября полк выступил из Велижа в Бешенковичи для парада, происходившего здесь 17 сентября в присутствии Государя Императора. 27 мая 1822 Л.-гв.Гусарский полк выступил из Велижа в С.-Петербург, прибыл туда 30 июля и после высочайшего смотра возвратился на свои квартиры в Царское Село.»[10] Упомянутые парад и смотр произошли во время известного похода к западным границам, когда после «Семеновской истории» император счел необходимым «проветрить» гвардию и, верный идеям «Священного Союза», двинул ее в Галицию, где концентрировалась армия, предназначенная для подавления восстаний в Неаполе и Пьемонте. Крамола была задушена Австрией прежде, чем русская армия подошла к своим границам, и дело ограничилось большим парадом. Войска возвратились к своим квартирам без единого выстрела, но гвардейские острословы нарекли этот поход «Итальянским».

Очевидно, сюжетом акварели кн. Владимира Салтыкова не мог стать ни проведенный 17 сентября 1821 г. в присутствии императора парад, в котором участвовали все войска Первой армии, ни высочайший смотр 27 мая 1822 г., состоявшийся в Петербурге. Никаких упоминаний о других парадах или смотрах полковая история не содержит. Дальнейшее изучение ее привело нас к предположению о том, что корнет кн. Салтыков изобразил в своем произведении торжественное построение полка в связи с представлением его новому командиру, генерал-майору кн. С.А.Хилкову 23 мая 1822 г. «По возвращении гвардии из-за границы, в 1814 г., — читаем мы в истории полка, — генерал-майор Левашов принял полк и командовал им до сентября 1819 г. Генерал-адъютант Левашов

[10] Манзей К.Н. Ук. соч., т. I, с. 190.

был тогда командирован в Варшаву, а вместо него командующим полком оставался полковник Слатвинский, до 23 мая 1822 г., когда полковым командиром Л.-гв. Гусарского полка был назначен генерал-майор кн. Хилков»[11].

Если принять это предположение, то на акварели кн. Салтыкова в центре изображен генерал кн. Хилков, объезжающий фронт выстроенного поэскадронно полка в сопровождении полковника Слатвинского, трех офицеров и трубача. Дело происходит, вероятнее всего, в предместье Велижа, откуда через четыре дня, 27 мая 1822 г. полк выступит в Петербург. Это истолкование сюжета салтыковской акварели надолго утвердилось в научном и музейном обиходе...

Оно было неверным.

Сейчас автору этих строк уже трудно понять, как могли пройти мимо его внимания столь значимые особенности в форменном платье предполагаемого генерала кн. Хилкова, как шляпа, надетая «с поля» (т.е. углом вперед)[12] и аксельбант на правом плече. Между тем эти особенности недвусмысленно свидетельствуют о том, что смотр полка производит генерал-адъютант[13]; кн. Хилков

[11] Манзей К.Н. Ук. соч., ч. I, с. 145.

[12] Шляпы, надетые углом вперед, носили чины императорской свиты (генерал- и флигель-адъютанты), адъютанты, офицеры Генерального штаба и инженеры. В предисловии к книге В.М.Глинки Г.В.Вилинбахов приводит весьма любопытную выдержку из мемуаров декабриста А.Е.Розена: «В первые годы моей службы, еще в 1818 г., когда Н.М.Сипягин был начальником штаба, то он сам [...] и вообще генералы-щеголи или франты, а за ними и офицеры носили зеленые перчатки и шляпу с поля. Летом, в теплую погоду, отправился чрез Исаакиевский мост для прогулки; под расстегнутым мундиром виден был белый жилет, шляпа надета была с поля, а на руках зеленые перчатки, одним словом, все было против формы, по образцу тогдашнего щеголя. С Невского проспекта повернув в Малую Морскую, встретил императора Александра; я остановился, смешался, потерялся, успел только повернуть поперек шляпу. Государь заметил мое смущение, улыбнулся и, погрозив мне пальцем, прошел и не сказал мне ни слова.» (См. в кн.: Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Л., 1988, с. 19) Ужас А.Е.Розена понятен: при Александре, по его словам, «за такую вину переводили в армейские полки или целый месяц держали на гауптвахте под строгим арестом»; в николаевское время наказание за нарушение правил ношения форменного платья было еще строже.

[13] На плече генерала аксельбант может обозначать лишь генерал-адъютантское звание. См.: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991, с. 107-111.

генерал-адъютантом не был. Между тем этого генерал-адъютанта украшают усы, ношение которых было предписано до 1832 лишь генералам и офицерам легкой кавалерии; на нем гусарский вицмундир, и конь его покрыт чепраком, присвоенным Л.-гв. Гусарскому полку. Из списков личного состава Л.-гв. Гусарского полка, ежегодно публиковавшихся в «Месяцословах», следует, что с 1817 по 1824 единственным генерал-адъютантом, имевшим право на ношение лейб-гусарского мундира, был командир полка Василий Васильевич Левашов (1782-1848)[14].

Итак, Левашов. Поднося руку к шляпе, генерал Левашов отдает честь эскадрону, ходящему на гнедых лошадях, и это не случайно — по-видимому, он приветствует свой собственный эскадрон, командование которым он совмещает с командованием полком: с 26 октября 1815 лошади в Л.-гв. Гусарском полку были распределены «по шерстям» (в лейб-эскадроне — серые, в эскадроне полковника Коровкина — вороные, полковника Альбрехта — рыжие, в эскадронах полковника Абамелека и генерал-майора Левашова — гнедые)[15]. За Левашовым, опережая адъютанта, скачут три офицера в парадных лейб-гусарских мундирах с обнаженными саблями, причем командует на смотре, несомненно, средний из них — весьма представительный штаб-офицер, молодцеватая выправка которого отличает его от других офицеров эскорта, непринужденно глядящих по сторонам, тогда как он упорным начальственным оком «ест» эскадрон, к которому приближается полковой командир. Нетрудно догадаться, что это — полковник Петр Иванович Слатвинский.

Имена В.В.Левашова и П.И.Слатвинского оказались сопряженными в драматической коллизии, о которой рассказал в своих воспоминаниях М.И.Муравьев-Апостол. «Жестокость и грубость, заведенные Павлом, — писал мемуарист, — не искоренялись в царствование Алек-

[14] Шеф полка, генерал от кавалерии гр. П.Х.Витгенштейн, генерал-адъютантом не был.

[15] Манзей К.Н. Ук.соч., т. I, с. 171.

сандра I и высоко ценились. Примером может служить флигель-адъютант, любимец Александра и великих князей Николая и Михаила, начальник гвардейского Гусарского полка В.В.Левашов. Однажды в Царском Селе он приказывает вахмистру, чтоб на другой день его эскадрон был собран в манеж, затем Левашов уезжает в Петербург. Вахмистр передает его приказание эскадронному начальнику полковнику Злотвинскому. Последний говорит вахмистру, что завтра великий церковный праздник, и тоже отправляется в Петербург. Левашов, возвратившись на другой день в Царское Село, едет прямо в манеж и не застает там эскадрона. Приезжает к себе домой, он посылает за вахмистром и за палками; садясь обедать, приказывает его наказывать и кричит несколько раз: «Не слышу (палочных ударов)!» Когда он встал из-за стола, тогда вахмистра увезли в больницу, там старый заслуженный вахмистр вскоре скончался. Вся гвардия знала о поступке Левашова и о смерти вахмистра. Полковник Злотвинский вышел из полка вследствие сего убийства. Все это не помешало Левашову по-прежнему быть любимцем, оставаться начальником гвардейских гусаров и пребывать в еще большей милости»[16].

Эта новелла производит сильное впечатление и перекликается со свидетельствами других современников[17], но в ней нетрудно отметить некоторые неточности. Так, В.В.Левашов был не флигель-, а генерал-адъютантом, фамилия полковника была не «Злотвинский», а «Слатвинский», и, наконец, последний покинул полк через полто-

[16] Муравьев-Апостол М.И. Семеновская история 1820 г. — В кн.: Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982, с. 181.

[17] «Надо правду сказать, что Левашов, кроме того, что был весьма неприятный начальник, был пренесносный человек, — читаем мы в записках А.З.Кочубея. — Полковой командир после ученья имал обыкновение приглашать офицеров на обед. Обеды эти были скучны и официальны, потому что Левашов не приглашал нас даже снимать сабли и за обедом постоянно читал различные правоученья. Все старались «улизнуть» раньше приглашения. Но офицеры не любили его и за пороки. Он был своекорыстен и вытягивал из полка всевозможные доходы, в особенности от обмундировки и фуража. Левашов был очень жесток с нижними чинами: многих солдат и унтер-офицеров вогнал в чахотку, беспощадно наказывая их фухтелями». (Цит. по кн.: Сборник биографий кавалергардов, т. III, с.97).

ра года после увольнения Левашова от командования лейб-гусарами: 11 ноября 1823 г. П.И.Слатвинский был назначен командиром Л.-гв. Конно-Егерского полка...[18] Несмотря на все это, воспоминания М.И.Муравьева-Апостола о событиях более чем полувековой давности печатаются ныне без каких-либо комментариев; между тем еще при жизни мемуариста его свидетельство было уточнено бывшим лейб-гусаром В.Ильиным. «Я служил тогда в Л.-гв. Гусарском полку, и именно в 5-м эскадроне, у П.И.Слатвинского, следовательно, могу сказать утвердительно, что генерал Левашов никогда не засекал никого у Слатвинского и Слатвинский в отставку из полка не выходил, а в 1821 году выступил с полком в поход и командовал оным за болезнью генерала Левашова, который оставался в С.-Петербурге и прибыл к полку в местечко Люцин (Витебской губернии), где тогда весь гвардейский корпус был собран на смотр, к главнокомандующему 1-й армиею гр. Ф.В.Сакену. Слатвинский, после похода, был назначен полковым командиром Л.-гв. Конно-Егерского полка (ныне Лейб-Драгунского) и потом флигель-адъютантом в 1825 г. <...> В происшествии с вахмистром есть некоторая доля правды, но только это было в 1816 г., и не у Слатвинского в эскадроне, а у А.В.Пашкова, который после того получил в командование Ахтырский гусарский полк. Помню я и вахмистра: его звали Кулаков. Генерал Левашов его не засек, а наказал фухтелями, как это в то время, по несчастью, делалось во всех кавалерийских полках. Долгом считаю при этом сказать несколько слов о полковнике Слатвинском. Он был уважаем и любим от генерала до последнего корнета; солдаты его боготворили и всегда готовы были идти за него, как говорится, в огонь и в воду. До сего времени память его осталась в полках Л.-гв. Гусарском и Л.-гв. Драгунском. Человек он был честный, добрый, прямой; одним словом, безукоризненный»[19].

[18] Манзей К.Н. Ук.соч., т. III, с.63.

[19] Ильин В. <Письмо издателю> Русский архив, 1876, т. I, с. 264.

Письмо В.Ильина весьма любопытно: оно не только дополняет несколькими яркими штрихами портреты главных действующих лиц смотра, запечатленного корнетом Салтыковым[20], но и позволяет предположить, что сюжетом его акварели стала встреча командира лейб-гусар со своим полком в местечке Люцин Витебской губернии, где Левашов принял командование у Слатвинского перед высочайшим смотром.

Вернемся, однако, к автору акварели. История Л.-гв. Гусарского полка сохранила о нем весьма скудные сведения.

«Князь Салтыков Владимир Дмитриевич.

1819 г. Декабря 31-го из камер-пажей Высочайшего двора причислен в Л.-гв. Гусарский полк корнетом.

1829 г. Декабря 6-го произведен в ротмистры.

1831 г. Сентября 25-го умер.»[21]

История Пажеского корпуса дополняет эти сведения: имя кн. В.Д.Салтыкова в 1820 г. было «высечено на досках, на коих написаны отличнейшие воспитанники.»[22] Год рождения кн. В.Д.Салтыкова остается неизвестным, хотя предположительно его можно определить 1801-1802 гг., поскольку из Пажеского корпуса выходили, как правило, восемнадцати-девятнадцати лет.

Князь Владимир Салтыков не был женат и не оставил потомства: кончина его была безвременной. Долгое время приходилось лишь строить предположения о его гибели во время польской кампании или смерти во время эпидемии холеры[23]; обе догадки нашли неожиданное подтверждение в записках гр. Бутурлина, вспоминавшего о своем вступлении в лейб-гусары: «Обмундировавшись и одевшись с ног до головы у портных Лихта и Нормана и в магазине военно-офицерских вещей Петелина и Пономарева (оба магазина на Невском проспекте у Полицейского моста в доме Котомина), явился к генералу Арнс-Гофену и поступил в лейб-эскадрон, коим командовал ротмистр светлейший князь Владимир Дмитриевич Салтыков <...> Князь В.Д.Салтыков умер холерою во время похода Лейб-гусарского полка в Польшу в начале кампании 1831 г. Он был чрезвычайно тихого и кроткого характера и замечательно рисовал военные сюжеты.»[24]

«Смотр Л.-гв. Гусарского полка» оказался не единственным дошедшим до нас «сюжетом» кн. Владимира Салтыкова.

Через несколько лет по завершении работы над атрибуцией «Смотра» Всесоюзный музей А.С.Пушкина издал альбом «Мир Пушкина», в котором была опубликована акварель «Путешественник в турецкой кофейне» из собрания ВМП. Подпись под нею гласит: «С:Петербургъ. Voyageur au cafe turc. P.A.Soltykoff. 1818 іюля 11 <дня?>»[25].

Подлинное имя автора, воспроизведенное в альбоме неверно («А.П.Солтыков»), составителям альбома осталось неизвестным. Между тем подпись «P.A.Soltykoff» (теперь мы с уверенностью трактуем ее как «Prince A.Soltykoff») несомненно принадлежит кн. Алексею Салтыкову, младшему брату кн. Владимира Салтыкова.

Кн. Алексей Дмитриевич Салтыков (1806-1859), известный путешественник и литератор, прославился собственноручно иллюстрированными трудами об Индии и Персии; экстравагантностью своего костюма и поведения он снискал в свете прозвище «Индеец»[26]. «Салтыков,

---

[20] Чего стоит, например, одна фраза «Генерал Левашов его не засек, а наказал фухтелями», то есть ударами сабель плашмя...

[21] Манзей К.Н. Ук.соч., т. I, с. 99.

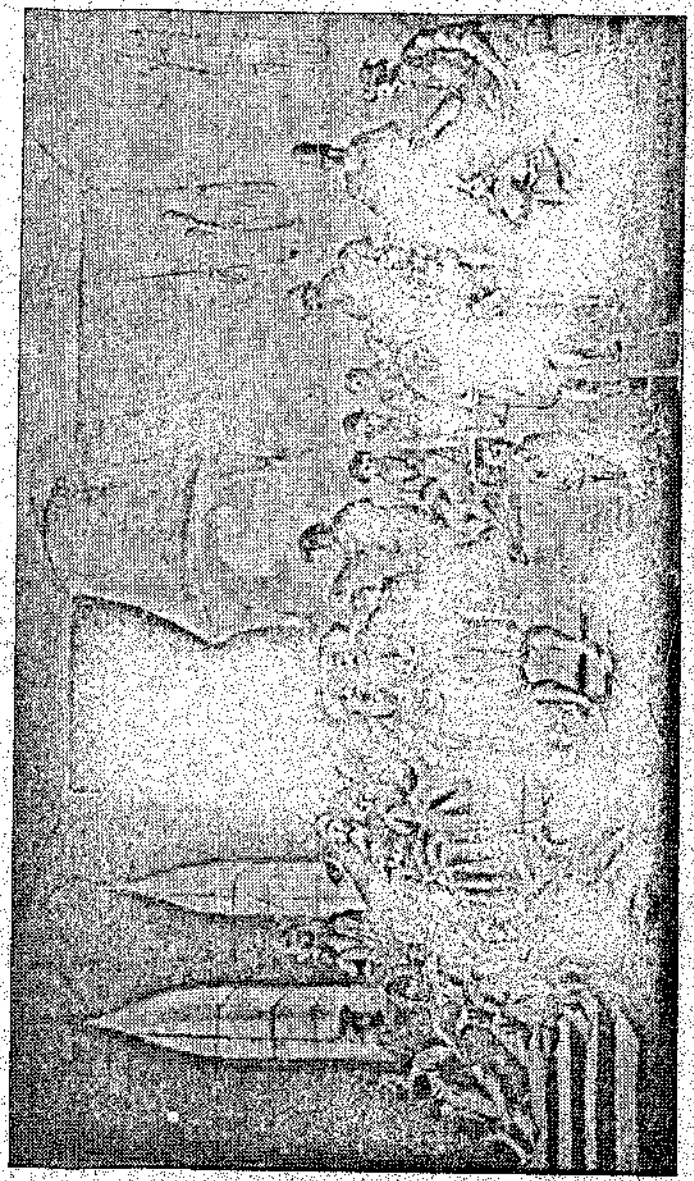
[22] См.: Милорадович Г.А. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса. Киев, 1876, с.16. На эти доски ежегодно заносилось лишь по одному имени.

[23] Только этим, казалось, можно было объяснить то обстоятельство, что место погребения кн. В.Д.Салтыкова не установлено.

[24] Бутурлин М.Д. Записки графа М.Д.Бутурлина. — Русский архив, 1897, № 7, с. 336. «Русский архив», как и другие издания, снабженные именными указателями, представляет собою бесценный справочный источник. Однако сведения, сообщенные М.Д.Бутурлиным были обнаружены случайно: в записках М.Д.Бутурлина Владимир Дмитриевич Салтыков ошибочно назван Алексеем Дмитриевичем.

[25] Мир Пушкина. М., 1990, с. 74, № 117 (инв. № ВМП КП-24314, бум., акв., 21,9 x 31,4).

[26] О кн. А.Д.Салтыкове см.: Модзалевский Б.Л. Салтыков Алексей Дмитриевич. Русский биографический словарь. «Сабанеев-Смыслов», СПБ, 1904; Владимиров В.П. Русский индиец. — Огонек, 1963, № 21; Максимова А.В. Индийские рисунки А.Салтыкова. — Художник, 1988, № 3; Максимова А.В. Художник-путешественник А.Д.Салтыков. В кн.: Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Петербуржец путешествует. Сборник материалов конференции. СПБ, 1995 и др.



Кн. А. А. Салтыков. Путешественник в турецкой кофейне. Бумага, акварель. 1818. Всероссийский музей А. С. Пушкина.

по прозванию «Индеец», занимал в гостинице Демута бель-этаж, обращенный к Мойке, — вспоминал В.Ф.Ленц, автор «Приключений лифляндца в Петербурге». — Мы входим в залу, увешанную до потолка Персидскими коврами, а по углам украшенную индейским оружием: длинными копьями, Гиндустанскими саблями, маленькими малайскими кинжалами. <...> Минуты через две из боковой комнаты вышел князь, в узком кашемировом сюртуке, в широких красных панталонах, в желтых турецких башмаках с заостренными в виде птичьего клюва носками. Более изящной и аристократической наружности я никогда не видывал. Ему было около сорока лет. Волосы несколько поседели, поступь мягкая, сохранившая юношескую гибкость, черты худощавого, продолговатого лица добродушно меланхолические. <...> По внешним манерам впоследствии в Париже напомнил мне Салтыкова Шопен. Для вящего сходства Шопену не доставало 20000 рублей годового дохода, которых Салтыкову, несмотря на всю его экономию, казалось мало, чтобы не уступать англичанам в Индии <...>.»[27]

В своих мемуарах В.Ф.Ленц передает рассказ кн. Алексея Салтыкова о событии, пробудившем его интерес к востоку: «Мы жили, — рассказывал он <кн.Алексей Салтыков — В.Ф.Ленцу. — В.Ф.> — в родительском доме возле дворца принца Ольденбургского[28]. Я был еще мальчиком, когда прибыл в Петербург Абас-Мирза, чтобы принести извинения по поводу избиения русского посольства с его представителем, Грибоедовым (20 Янва-

[27] Ленц В.Ф. Приключения лифляндца в Петербурге. — Русский архив, 1897, № 4, с.461-465

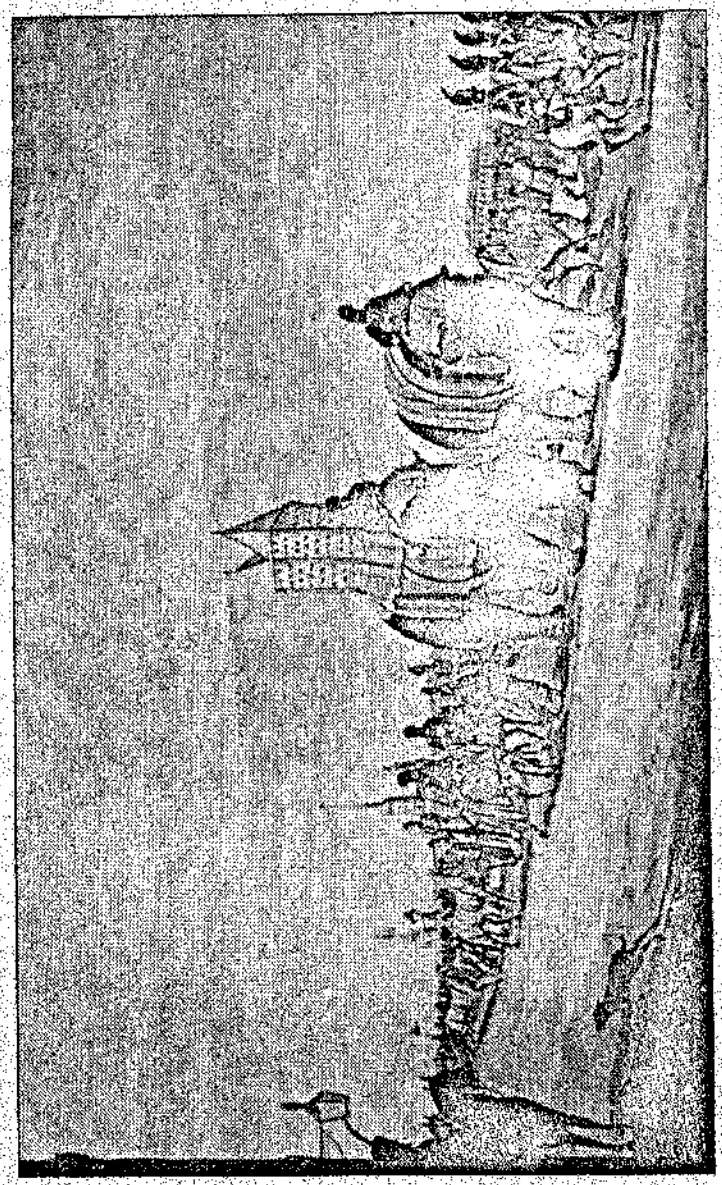
[28] Кн. Владимир и Алексей Салтыковы (с сестрой Марией и братьями Иваном и Петром) жили в доме, занимаемом ныне Академией культуры; этот дом был подарен Екатериной указом от 3 февраля 1796 г. их деду гр. Н.И.Салтыкову (вместе со столовым серебряным сервизом и шестьюдесятью тысячами рублей «на заведение домашнее») в знак благодарности за воспитание великого князя Константина Павловича. См.: Свиньин П. Записка о жизни генерал-фельдмаршала Н.И.Салтыкова. СПБ, 1818, с. 108-109. Об Иване и Петре Салтыковых см.: Файбисович В.М. Князья Иван, Петр и Алексей Салтыковы и судьба их коллекции оружия. — В кн.: Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге. 1703-1917. Государственный Эрмитаж. Тезисы докладов конференции. СПБ, 1995, с. 21.

ря 1829 г.) и вместе с тем доставить императору двух слонов. Ноги слонов были обуты в высокие меховые сапоги. С той минуты, как я увидал этих животных, меня стала преследовать мысль увидеть их родину.»[29] Сообщение В.Ф.Ленца в основном достоверно, но в нем, тем не менее, кроется очевидный анахронизм: в 1829 г. кн. А.Д.Салтыкову было уже двадцать три года, и он служил в русской дипломатической миссии в Константинополе. Разумеется, детские впечатления кн. А.Салтыкова были связаны с другим событием: о гораздо более раннем интересе Алексея Салтыкова к востоку свидетельствует, в частности, и акварель «Путник в турецкой кофейне», исполненная двенадцатилетним художником в 1818 г.

Узнать о том, когда именно поразили воображение кн. Алексея бредущие по Петербургу слоны, помогло другое издание — каталог выставки Эрмитажа «Санкт-Петербург 1800-х годов», состоявшейся на Вилле Хюгель в Эссене в 1990. В этом каталоге была опубликована акварель, изображающая необычное шествие, движущееся в зимний день по набережной Невы к Прачечному мосту; за эскортом кирасир следуют два слона, обутых в некое подобие сапог, в сопровождении длинной вереницы людей в восточных одеяниях, частью верхами, частью ведущих коней в поводу.[30] Это произведение, как и приютинское, помечено подписью «P.V.Soltykoff» и датой «1816». О его авторе, имя которого воспроизведено в каталоге неточно (P.B.Saltykov), сообщается лишь, что он был дилетантом, и потому биографических сведений о нем нет. Однако в самой процессии составители каталога справедливо предположили вступление в Петербург персидского посольства. Обращение к периодике 1815-1816 гг. позволило установить, что кн. Владимир Салтыков изобразил на акварели из эрмитажного собрания «церемониальный въезд» в Петербург чрезвычайного посла персидского двора Мирзы-Абул-Гассан-Хана, состоявшийся 20

[29] Ленц В.Ф. Ук. соч., с.464

[30] St.Petersburg um 1800. Ausstellung. Kulturstiftung Ruhr, Villa Hügel, Essen, 9.6.-4.11.1990. S.233. №129 (бум., 47,3 x 63,3. Инв. № ЭРР-965).



Кн. В. Д. Салтыков. Слоны на набережной.
Бумага, акварель. 1816. Государственный Эрмитаж.

декабря 1815 г. «Северная почта» № 102 от 22 декабря 1815 г. между известием о казни маршала Нея и манифестом об учреждении Священного союза сообщала: «В минувший понедельник, 20 числа поутру был церемониальный въезд в здешнюю столицу прибывшего от персидского двора к Российскому Чрезвычайного посла Мирзы-Абул-Гассан Хана. <...> После того шествие началось следующим порядком: 1. Эскадрон кавалерии Российской гвардии с обнаженными палашами, штандартом, трубами и литаврами; 2. Два слона с находящимися при них чиновниками и служителями; 3. Унтер-Егермейстер и несколько егерей верхами; 4. Свиты Посольской разных чинов люди верхами, под предводительством чиновного Персиянина; заводные лошади их и приводимые в подарок жеребцы со стремянными чиновниками и конюхами <...>. Въезд последовал, начиная от Нарвских ворот до Калинкина моста, и не переходя оного по берегу Фонтанки до Измайловского моста; оттуда по Вознесенской улице на Исаакиевскую площадь и мимо Адмиралтейства по Дворцовой площади, с коей поворотя влево, мимо Зимнего дворца на Дворцовую набережную, и по оной мимо Мраморного дворца и Летнего сада чрез Прачечный мост до Гагаринской пристани; а оттуда поворотя в Сергиевскую улицу, и из оной вправо к Фонтанке в назначенную для Посла квартиру. <...> Стечение народа и людей всякого состояния по улицам, по коим происходило шествие, было чрезвычайное, и окна всех домов по оным наполнены были зрителями.»

Кн. Владимир Салтыков, тогда юный воспитанник Пажеского корпуса, изобразил персидское посольство проходящим мимо его дома[31]; не исключено впрочем, что ему довелось быть не только наблюдателем, но и участником подобной процессии. Его однокашник П.М.Дараган вспоминал впоследствии: «Мне один раз случилось исполнять службу пажей елисаветинского времени, когда для торжественных поездов были устроены особые, большие, парадные вызолоченные кареты, которые возились восемью лошадьми цугом. На передних рессорах этих карет были устроены небольшие круглые сиденья. На эти сиденья (их называли пазами) сажали пажей лицом к карете, спиной к лошадям. <...> В 1816 г. император Александр приказал в одной из таких карет возить во дворец, на торжественные аудиенции персидского посла, и при прощальной аудиенции я был назначен с пажом Грессером сидеть на пазах»[32].

Быть может, Владимир Салтыков исполнил этот лист для десятилетнего брата Алексея: впечатления последнего были столь сильны, что через много лет он вернулся к ним в своей книге «Voyage en Perse», изданной в Париже в 1851 г.: в книге А.Д.Салтыкова помещена литография «Въезд персидского посла в С.Петербург», исполненная по рисунку автора и перекликающаяся во множестве деталей с акварелью, хранящейся ныне в собрании Эрмитажа[33].

Кн. Алексей Салтыков умер в Париже в 1859 г. «Я ему часто предсказывал, — писал В.Ф.Ленц, — что он закончит Парижем, чему он не хотел верить, так как не любил Парижа. Там он сажал огурцы и солил их на русский манер. Он жил отшельником и приглашал к себе в дом только хороших писательников, так как сам был не из последних»[34].

31 Документальная точность акварели, свидетельствует о том, что она была создана по свежим впечатлениям. По показаниям «Санктпетербургских ведомостей», поутру 20 декабря 1815 г. было -11 градусов по Реомюру (около 14 градусов по Цельсию) и дул юго-западный ветер. На акварели Владимира Салтыкова флаги развеваются в точном соответствии с этим наблюдением, а на трубах изображены застывшие ледяные сосульки. См.: Санктпетербургские ведомости, 1815, № 103, Первое прибавление, с. 1084.

32 Дараган П.М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. — Русская старина, 1875, т.XV, № 4, с. 776.

33 На это любезно указала А.В.Максимова, ведущий научный сотрудник Русского музея, изучающая графическое наследие кн. А.Д.Салтыкова. В фондах отдела рисунка ГРМ А.В.Максимова обнаружила детский рисунок Алексея Салтыкова, на котором шествие слонов изображено художником, не достигшим еще десятилетнего возраста. См.: Максимова А.В. Персидское посольство 1815-1816 гг. в изображении современников. В кн.: На рубеже двух эпох. Тезисы докладов Второй Царскосельской научной конференции. СПБ, 1996, с. 40.

34 Ленц В.Ф. Ук. соч., с.465.

НЕВОЛЬНЫЙ СОПЕРНИК ПУШКИНА

В 1991 г. во всероссийский музей А.С.Пушкина от старого петербуржца Сергея Георгиевича Лебедева поступил портрет военного, по предположению владельца, — некоего Шувалова. Портрет исполнен акварелью, белилами и карандашом на бумаге, наклеенной на картон (прямоугольник со срезанными углами, 29 х 24). Слева внизу, у локтя изображенного — надпись: Klonder d'aprez Kruger.

Оба художника хорошо известны: первый — это знаменитый немецкий живописец Франц Крюгер (1802, Гроссбадегаст — 1875, Берлин), неоднократно приезжавший в Петербург (1832, 1836, 1841, 1844, 1847 и 1850-1851)[1]. Второй — Александр Иванович Клюндер (1797-1857), уроженец Эстляндии, ученик Академии художеств, акварелист-портретист и жанрист, известный своими портретами офицеров Л.-гв. Гусарского полка, исполненными в 1838-1840 гг.[2]

Портрет запечатлел молодого военного, густые эполеты которого не оставляют сомнений в его генеральском звании[3]. Особое шитье на вороте, присвоенное свитским офицерам и генералам[4] в сочетании с аксельбантом свидетельствуют о том, что перед нами — генерал-адъютант[5]. На его груди — звезда ордена Св. Анны 1-го класса и колодка орденов Св. Георгия и Св. Владимира 4-й степени, медали за русско-турецкую войну[6] и иностранного ордена (в соответствии с правилами он помещен левее русской медали); забегая вперед, скажем, что это французский орден Св. Людовика.

На шее у генерала белый крест, который нетрудно принять за знак ордена Св. Георгия 3-го класса, но несомненный Георгий 4-й степени «в петлице» не позволяет допустить этого, поскольку до 1870 г. две степени одного ордена одновременно не носились[7]. Поэтому в этом кресте можно почти безошибочно предположить знак прусского ордена Красного орла[8], внешне отличавшийся от креста ордена Св. Георгия лишь заполнением центрального медальона.

Ниже на шее генерала изображен крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского, которому соответствует нашивная звезда в виде мальтийского креста под левым эполетом. Учрежденный 29 ноября 1798 г. Павлом I, орден Св. Иоанна Иерусалимского был упразднен в России императором Александром, сложившим с себя в 1803 г. звание его Великого Магистра, а 20 января 1817 г. запретившим ношение знаков этого ордена[9]. Поэтому мальтийские крест и звезда на груди генерала имеют, несомненно, иностранное происхождение.

---

[1] Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись. Каталог-2. Л., 1981, с. 219.

[2] Русская акварель в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1988, с. 159; Окунев Б.Г. А.И.Клюндер и его портреты однополчан М.Ю.Лермонтова в музеях СССР. — Научно-исследовательская работа в художественных музеях. М., 1975, ч. 2, с. 166-188.

[3] Эполеты генералов были украшены кистями (бахромой) из жгутов рельефного плетения; у эполет штаб-офицеров кисти состояли из гладких и более тонких жгутиков; на обер-офицерских эполетах кистей не было.

[4] Помимо иллюстраций в классических трудах А.В.Висковатова и В.В.Звегинцова начинающему исследователю могут быть рекомендованы в качестве настольного пособия хорошо исполненные наборы открыток О.К.Пархаева «Русская армия 1812 года» (вып. 1-4, М., 1987-1990); образцы форменного шитья воспроизведены в выпуске № 4.

[5] Генерал-адъютант — почетное звание, свидетельствующее о близости к государю (принадлежности к свите); свитский мундир отличался особым шитьем на вороте и обшлагах, эполетами с императорскими вензелями (с 1815 г.) и аксельбантом; «прибор» (эполеты, шитье, аксельбант, пуговицы) был золотым. См.: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. С. 107-111.

[6] Медаль за русско-турецкую войну, учрежденная 1 октября 1829, имела на лицевой стороне изображение лучезарного шестиконечного креста на поверженном полумесяце, ясно читающееся на портрете (см.: Петерс Д.И. Наградные медали России XIX — начала XX веков. Каталог. М., 1989, с.101).

[7] Исключение до 1870 г. составлял знак ордена Св. Анны 4-й степени (до 1815 г. являвшийся знаком 3-й степени), прикреплявшийся к холодному оружию и носившийся со знаками остальных степеней (на офицерском жаргоне этот знак назывался «клюквой»).

[8] Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. СПБ, 1993, табл. XXIII.

[9] «После смерти командоров Ордена Св. Иоанна Иерусалимского, — говорилось в указе, — наследники их не наследуют звания командора Ордена и не носят знаков сего Ордена по тому уважению, что Орден сей в Российской империи более не существует». — Исторический очерк Российских орденов и сборник основных орденских статутов. Изд. 2-е. СПБ, 1892, с. 29.

Первоначальная атрибуция: А. И. Клюндер с оригинала Ф. Крюгера. Портрет неизвестного из рода Шуваловых (?). Бумага, наклеенная на картон; акварель, белила, карандаш. Вторая четверть XIX в.

Под крестом Иоанна Иерусалимского изображен еще один крест мальтийского типа с белой птицей на нем, установить который оказалось затруднительно; впоследствии он оказался Саксен-Веймарским орденом Белого Сокола.

Последнее, но не наименее важное — знак отличия беспорочной службы за 20 лет[10].

Очевидно, портрет не мог быть написан ранее 1830 г.: об этом свидетельствуют медаль за русско-турецкую войну и гербовые пуговицы на мундире, введенные 26 декабря 1829 г.[11] В то же время шляпа с плюмажем в руке генерала означает, что портрет исполнен не позднее 1844 г., когда генерал-адъютантам были даны каски с волосяным султаном[12].

Таким образом задача определения изображенного сводилась к поискам в списках генерал-адъютантов 1830-1844 гг. молодого генерала с соответствующим набором наград. Снова обращаемся к «Месяцослову» на 1835 г., где список генерал-адъютантов помещен в главе «Генеральный штаб», и, руководствуясь молодостью генерала, просматриваем список с конца: в этих списках генералы перечислялись по старшинству.

Искомое лицо оказывается третьим от конца: «Князь Алексей Яковлевич Лобанов-Ростовский 3-й, генерал-майор, ордена Св. Анны 1 степени, Св. Георгия 4-й степени, Св. Владимира 4-й степени, прусского Красного Орла 2-й степени, французского Св. Людовика и Саксен-Веймарского Белого Сокола кавалер, имеет знак за XX лет».

---

10 Знак отличия беспорочной службы был утвержден 22 августа 1827 г.: «Знак этот серебряный, вызолоченный, имеет форму квадратной сквозной пряжки, на которой изображен дубовый венок; в середине венка обозначено римскими цифрами число лет службы, за которую выдается, т.е. начиная с 15-летней действительной выслуги за 20, 25, 30 и т.д., прибавляя к каждому сроку по пять лет. Знак отличия беспорочной службы жалуется военным на Георгиевской ленте, а гражданским — на владимирской» (Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, т. XXVII).

11 Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. С.57.

12 Там же, с. 69.

Позднейший портрет кн. А.Я.Лобанова-Ростовского, воспроизведенный в знаменитом издании «Русские портреты», убеждает в верности этой атрибуции[13].

Знак отличия беспорочной службы за XX лет позволяет уточнить датировку этого портрета: в «Месяцослове» на 1839 г. этот знак свидетельствует уже о 25 годах беспорочной службы кн. А.Я.Лобанова-Ростовского. Таким образом, портрет мог быть создан Францем Крюгером между 1833 и 1838 гг. Но в этот промежуток вписывается лишь одно из многочисленных посещений России Францем Крюгером — его визит в Петербург в 1836 г. Это позволяет с уверенностью датировать оригинал Крюгера 1836 г. (Мы не допускаем возможности исполнения этого портрета в Берлине, куда А.Я.Лобанов-Ростовский ездил с дипломатическими поручениями позднее — в 1841, 1842 и 1844 гг.[14]). Возможно, исполнение А.И.Клюндером копии с портрета Ф.Крюгера связано с его работой над сюитой портретов лейб-гусар: А.Я.Лобанов-Ростовский долгое время служил в Л.-гв.Гусарском полку; в таком случае Клюндер скопировал произведение Крюгера, вероятнее всего, между 1838 и 1840 гг.[15]

Кн. Алексей Лобанов-Ростовский, сын Малороссийского генерал-губернатора, члена Государственного совета и обер-камергера кн. Я.И. Лобанова-Ростовского, родился 8 января 1795 г. и семи лет записан был юнкером в Московский архив Иностранных дел. В 1812 г. он числился в Общей канцелярии Военного министерства, а 1813 г. служил провиантским комиссионером. В 1814 г. Алексей Лобанов-Ростовский вступил в армейский Алек-

[13] Русские портреты XVIII и XIX столетий. Изд. вел. кн. Николая Михайловича. т. I-V, СПБ, 1905-1909, т. IV, № 63. Портрет кисти неизвестного художника, воспроизведенный в этом издании, хранится ныне в Русском музее (Ж-6233; см.: Государственный Русский музей. Живопись XVIII — начала XX века. Каталог. Л., 1980, с.388, №6940)

[14] См.: Русские портреты XVIII и XIX столетий, № 63; Русский биографический словарь. «Лабзина-Ляшенко», с. 518-519.

[15] Черно-белая копия, исполненная Клюндером с оригинала Крюгера могла играть роль промежуточного оригинала для литографии.

сандрийский гусарский полк поручиком[16], принял участие в боевых действиях и был переведен в Л.-гв. Гусарский полк. Назначенный по окончании войны адъютантом к гр. М.С.Воронцову, командовавшему оккупационным корпусом, он оставался во Франции до 1818 г. По возвращении, в 1819 г., он был назначен адъютантом к кн. П.М.Волконскому, а в 1821 г. пожалован во флигель-адъютанты. Произведенный в 1823 г. в полковники, кн. А.Я.Лобанов-Ростовский командовал 2-м Сводным гвардейским легким кавалерийским полком на коронационных торжествах в Москве в 1826 г. В 1828 г. он принял участие в Турецкой войне; в награду за отличие при осаде Варны кн. Лобанов-Ростовский получил орден Св.Георгия 4-й степени и чин генерал-майора. В 1833 г. он был пожалован в генерал-адъютанты, а в 1837 произведен в генерал-лейтенанты. Николай доверял кн. А.Я.Лобанову-Ростовскому исполнение многочисленных поручений, в числе которых было и несколько дипломатических; с этими поручениями генерал-адъютант Лобанов-Ростовский неоднократно ездил за границу (в Копенгаген, Гаагу, Берлин, Шверин, Вену и др.). Князь был женат на кж. Софии Петровне Лопухиной, скончавшейся в 1825 г., через месяц после рождения третьего их сына Дмитрия. Кн. Алексей Яковлевич умер на пятьдесят третьем году жизни в июне 1848 г.

Кн. Алексей Лобанов-Ростовский был предметом первого глубокого чувства Анны Алексеевны Олениной

[16] Чин поручика в 19 лет — прекрасное начало для военной карьеры. Однако на этом фоне очевидны блестящие перспективы, которые открывал перед своими питомцами Царскосельский Лицей: по выходе из него лицеистам давался чин IX или X класса (армейские поручики состояли в XII классе по Табели о рангах).

Вместе с тем на протяжении первой половины XIX в. прослеживается явная тенденция к «замедлению» даже самых головокружительных военных карьер: кн. С.Г.Волконский, произведенный в 1813 г. в возрасте двадцати шести лет в генерал-майоры, сетовал на то, что производство его было задержано кн. П.М.Волконским, опасавшимся обвинений в протекционизме; кн. А.Я.Лобанов-Ростовский в 1823 г. стал в двадцать восемь лет полковником; Павел Петрович Кирсанов, герой тургеневских «Отцов и детей», родившийся около 1814 г., «на двадцать восьмом году от роду» (т.е. в 1841-1842 гг.) «уже был капитаном; блестящая карьера ожидала его».

(1808-1888), дочери основателя и первого директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств А.Н.Оленина; это установила внучка А.А.Олениной Ольга Николаевна Оом, издавшая в 1936 г. в Париже дневник своей бабушки.[17]

Анна Оленина начала свой дневник 20 июня 1828 г.; первая же запись в нем была посвящена кн. Алексею Лобанову-Ростовскому:

«Как много ты в немного дней
Прожить, прочувствовать успела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно ты перегорела!
Раба томительной мечты
В тоске душевной пустоты
Чего еще душою хочешь?
Как покаянье плачешь ты
И как безумие хохочешь.[18]

20 июня 1828.

Вот настоящее положение сердца моего в конце бурной зимы 1828 года, но слава Богу, дружбе и разсудку, они взяли верх над разстроенным воображением моим, и холодность и спокойствие заменило место пылких страстей и веселых надежд. Все прошло с зимой холодной, и с жаром настал сердечный холод! И к щастью, а то бы проститься надобно с разсудком. Вообразите каникульный жар в уме, в крови и... в воздухе. Это и мудреца могло бы свести с ума...

Да, смейтесь теперь, Анна Алексеевна, а кто вчера обрадывался и вместе испугался, увидя в Конюшенной улице коляску, в которой сидел мущина с полковничьими

[17] Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828-1829). Париж, 1936. Переиздан Фондом имени Сытина: Дневник Annette. М., 1994. К сожалению, оба издания весьма далеки от оригинала. Ниже дневник А.А.Олениной цитируется (с сохранением орфографии) по подлиннику, хранящемуся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф.1124, оп.2, е.х.10).

[18] Неточно цитируемое стихотворение Е.А.Баратынского «К***», адресованное А.Ф.Закревской.

эполетами и походивший на... [19] Но зачем называть его! зачем вспоминать то щастливое время, когда я жила в идеальном мире, когда думала, что можно быть щастливой или быть за ним, потому что то и другое смешивалось в моем воображении: щастье и Он... Но я хотела все забыть... Ах, зачем попалась мне колязка, она напомнила мне время... невозвратное.»

Вчера была я для уроков в городе, видела моего Ангела Машу Elmpt[20] и обедала у вернаго друга Варвары Дмит<риевны> Пол<торацкой>[21]: как я ее люблю, она так добра, мила! Там был Пушкин и Миша Полт<орацкий>[22]: первой довольно скромен, и я даже с ним говорила и перестала бояться, чтоб не соврал чего в сантиментальном роде.»

Эти строки написаны в то самое время, когда Александр Пушкин мечтал о женитьбе на Анне Олениной... Задумав написать роман (с красноречивым названием «Непоследовательность, или Любовь достойна снисхожденья»), посвященный событиям прошедшей «бурной зимы», Анна Алексеевна вновь переживает историю своего увлечения, рассказывая о себе в третьем лице:

«У Аннет Олениной была подруга, искренний друг, лишь она знала о страсти ее к Алексею и старалась образумить ее. Мари не раз говорила: «Аннет, не доверяйтесь ему, он лжив, он пуст, он зол». Подруга обещала ей забыть его, но продолжала любить. На балах, в театре, на горах она встречала его постоянно, и мало-помалу потребность видеть его чаще стала неотвязной. Но она уме-

[19] Примечательно, что Анна Алексеевна опознает «полковничьи эполеты» (эполеты с гладкой мишурой, без звездочек) ранее, чем убеждается, что приняла за кн. А.Я.Лобанова-Ростовского незнакомого ей офицера.

[20] Эльмпт Мария Филипповна, графиня (между 1799 и 1810 — 1853), фрейлина императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны; подруга А.А.Олениной.

[21] Полторацкая Варвара Дмитриевна (1798-1843), рожденная Киселева, тетушка А.А.Олениной.

[22] Полторацкий Михаил Александрович (1801-1836) — двоюродный брат А.А.Олениной, штабс-капитан, кишиневский знакомый А.С.Пушкина, один из адресатов его стихотворения «Друзьям» (1822).

ла любить, не показывая, что увлечена кем-то, и ее веселый характер вводил в заблуждение свет.»

Утаенная любовь Анны Олениной вновь вспыхивает на страницах ее дневника 14 октября 1828 г., когда кн. Алексей Лобанов-Ростовский возвращается в Петербург из Варны вестником победы:

«Проживши в Приютине до ужасного вихря и снега, я в прошедшее воскресенье приехала с папинькой в град Петров. <...> Три дня тому назад получили известие, что Варна взята или по усильному сопротивлению сдалась, но не прежде, как несколько рот нашей гвардии, вошед в пролом, прогулялись по городу и возвратились только по усильному повелению Государя. Кто же привез веселую эту новость? Человек, которой с штыком в руках взошел в Варну и за то получил чин Генерала и крест Георгия. Но кто же это? ОН, *и вновь знакомые мечты в душе уснувшей пробудила*»[23].

А через три дня, в среду 17 октября 1828 г., Анна Алексеевна нечаянно повстречалась с новоиспеченным генералом в Английском магазине Никольса и Плинке на углу Невского проспекта и Большой Морской; повествующую об этом запись она озаглавила «Jour mémorable» — «Памятный день»:

«Я снова увидела... сегодня утром в английском магазине! Я увидела его вновь после войны уже генералом с заслуженным знаком отличия за храбрость — орденом Св. Георгия. Мы побеседовали, у меня достало смелости не смущаться и казаться веселой. Он был любезен, очень любезен. Весь день я была грустна. Меня одолевали воспоминания о прошлом, которого нельзя вернуть, мысли об утраченных надеждах мысли о настоящем, но, увы, тоже наполненном воспоминаниями, и мысли о будущем без иллюзий, без желаний. Я могу быть несч..., но нет, к чему думать об этом? я могу быть равнодушной ко всему, кроме дружбы. Я не задумываю больше желаний, все они, как прекрасные весенние цветы, сорваны и увяли, так же, как и моя весна, они исчезли, чтобы никогда не возродиться».

[23] Искаженная цитата из стихотворения Пушкина «Ты и Вы» (1828), адресованного Анне Алексеевне. В оригинале: «И все счастливые *мечты // В душе влюбленной возбудила*».

Последний раз кн. Алексей Яковлевич упоминается в журнале Анны Алексеевны в апреле 1829 г.:

«Неужели действует во мне воспоминание, неужели я еще могу лю... но нет, один ты, друг мой, один-один Журнал, узнаешь, что за чувство во мне, когда я слышу его голос. Это слеза воспоминания ...быть может сожаления. Я сожалею о прошлом. Воспоминания о нем всегда во мне. Знаю все, знаю все недостатки ЕГО, умею скрыть чувства, смеюсь, играю, весела, но, увы, не веселюсь. Опять слезы, опять горе, опять, о! Боже... Любовь, и любовь страстная к прошедшему былому. Один раз только я искренно полюбила, судьба не исполнила моего желания. Провидение Всеведущее может быть спасло меня. Я повинуюсь, не ропщу. Рассудок заменил место любви, но уничтожил воображение, надежду и желания: я пробудилась от счастливейшего сна, чтоб видеть настоящее: завеса отдернута...

Теперь уже не обманусь призраками. Как грустно мне на бале! Теперь мне все равно, я ко всему равнодушна. Сегодня весела, игрива, но не от души: в ней все пусто, все спокойно, но как все холодно. Мне кажется, что с прошедшей зимы я прожила век, целой век, и стара душою я, и думаю, что стара летами. Совестно сказать, что 21 год, а что эти лета в сравнении с целой жизнию.

Вчера глупейший был и театр у нового посла Дюка Mortemare <...> Я малое время была, но вот что узнала.

Он подошел ко мне и сказал мне почти на ухо, что брат бесподобной Алины Паниной прощен[24], т.е. как Чернышев — солдатом с Выслугой[25]. Мы говорили об Паниных, он стоял, облокотясь на моем стуле. Эту минуту или время было можно назвать щастием.»

[24] Панина Александра Сергеевна, графиня (1800-1873), рожденная Толстая, жена гр. Александра Никитича Панина. Ее брат — Владимир Сергеевич Толстой (1806-1868), прапорщик Московского пехотного полка, декабрист, член Южного общества. 15 июня 1829 г. определен рядовым на Кавказ, где участвовал в войне с Турцией.

[25] Чернышев Захар Григорьевич, граф (1797-1862), ротмистр Л.-гв. Кавалергардского полка, декабрист. 9 апреля 1829 определен рядовым в Нижегородский драгунский полк.

Знал ли кн. Алексей Яковлевич о любви к нему Анны Алексеевны? — Бог весть... Анна Алексеевна вышла замуж лишь через одиннадцать лет: 16 марта 1840 г. она обвенчалась с полковником Л.-гв. Гусарского полка гр. Федором Александровичем Андро.

КТО «ПОСПЕШАЕТ НА ТРЕВОГУ» НА РИСУНКЕ ЛЕРМОНТОВА?

В графическом наследии М.Ю.Лермонтова известно несколько карикатур, среди которых особенно часто воспроизводится «Поспешает на тревогу»[1] — карандашный рисунок в альбоме А.Д.Блудовой (ИРЛИ), датируемый 1841 годом[2].

Публикуя эту карикатуру, Н.П.Пахомов писал о ней: «Рисунок изображает генерала с большим животом, в очках и треуголке, со звездой и лентой через плечо, сидящего на пролетке и замахивающегося длинным кнутом на чахлую лошаденку, еле передвигающую ноги. В фигуре генерала можно найти черты сходства с генерал-губернатором Петербурга графом Эссеном, который изображен карикатурно «поспешающим» на извозчике на пожар или другое какое-либо происшествие»[3].

Определение «поспешающего на тревогу» генерала как П.К.Эссена не вызвало возражений специалистов[4]. Между тем дошедшие до нас портреты П.К.Эссена (1772-1844) запечатлели сухощавого и подтянутого человека; ни на одном из известных нам портретов П.К.Эссен не изображен в очках[5]. Кроме того, можно полагать, что генерал от инфантерии, кавалер всех российских орденов, столичный генерал-губернатор граф Петр Кириллович Эссен в свои 69 лет не выезжал таким аллюром даже по тревоге...

Но кто же тогда изображен на лермонтовской акварели?

В собрание графики музея «Приютино» входит несколько акварелей, исполненных в конце 1830-х — начале 1840-х гг. неизвестным художником-любителем[6], принадлежавшим, по-видимому, к кругу гвардейской молодежи[7]. Среди этих листов наше внимание привлек гротескный портрет неимоверно тучного генерала в очках, с густыми усами и бакенбардами, живо напомнивший карикатуру «Поспешает на тревогу» — тот же массивный, загнутый вниз нос, тот же выдающийся вперед подбородок, тот же неправдоподобно-комический силуэт[8]. Сравнение рисунка из собрания Пушкинского Дома с акварельным листом из «Приютина» не оставило сомнений в том, что на них запечатлено одно и то же лицо.

Приютинская акварель сопровождена надписью карандашом по нижнему краю листа: «С. Пет. Комендантъ Захаржевскій».

---

[1] См. в кн: Литературное наследство, т.45-46, М., 1948, с. 153 (в дальнейшем — ЛН, с указанием страницы); Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6-ти тт. М.-Л., 1954-1957, т. VI, с. 392-393, № 7, (в дальнейшем — Лермонтов, с указанием страницы); М.Ю.Лермонтов. Картины и рисунки поэта. Иллюстрации к его произведениям. М.-Л., 1964, с. 66; Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки. М., 1980, с. 218, № 155; Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с.528-529.

[2] ИРЛИ, РО, ф. 524, оп. 1, № 51 (альбом А.Д.Блудовой), л. 93 об. См. в кн.: Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского Дома II — Лермонтов. АН СССР, М.-Л., 1953, с.136.

[3] Пахомов Н.П. Живописное наследство Лермонтова.- В кн.: ЛН, с.153.

[4] Мнение Н.П.Пахомова с большей или меньшей осторожностью было принято во многих изданиях. См.: Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского Дома, с. 136; Лермонтов, с. 690; Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки. М., 1980, с. 246; Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 633.

[5] Портрет П.К.Эссена, написанный между 1819 и 1828 гг. в мастерской Дж.Доу, находится в Военной галерее Зимнего дворца; существует также портрет П.К.Эссена, гравированный Райтом по собственному рисунку с натуры между 1830 и 1843 гг. (воспроизведен в кн.: Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т.IV, М., 1913, л. CDLXXIV). Наконец, укажем на изображение П.К.Эссена на картине Г.Г.Чернецова «Парад на Царицыном лугу в С.-Петербурге в 1831 г.» (1831-1837; ГРМ): генерал-губернатор сопровождает наследника.

[6] Эти листы были приобретены в 1974 г. в букинистическом магазине; один из рисунков помечен датой «16 мая<я> 1840», другой — «12 окт. 1841». Остальные исполнены, вероятно, около этого времени.

[7] Пять из этих акварелей представляют собою портретные зарисовки, порой шаржированные, гвардейских офицеров и генералов; шестая — карикатуру на сюжет светской сплетни, «героями» которой также послужили гвардейцы.

[8] Бум., акв.; 28,4 х 20; инв. № 1076

М. Ю. Лермонтов. «Поспешает на тревогу».
Бумага, карандаш. 1841. Институт Русской литературы.

Григорий Андреевич Донец-Захаржевский родился 12 октября 1792 г.[9] Он принадлежал к некогда богатому польскому шляхетскому роду, переселившемуся в первой половине XVII века на Украину; в Харькове поныне существует Донец-Захаржевская улица, названная в честь его предков[10]. Его отец, надворный советник А.М.Донец-Захаржевский, владел великолепной усадьбой «Константиевка» в Харьковской губернии[11], но сам Г.А.Захаржевский, по свидетельству А.О.Смирновой-Россет, был небогат[12].

Свою службу он начал в Л.-гв. Конном полку и был произведен в офицеры незадолго до начала войны 1812 г. При Бородине корнет Захаржевский находился у Кутузова «на ординарцах» и был награжден за отличие орденом Анны 3-й степени[13]. В должности ординарца главнокомандующего он состоял до конца Отечественной войны. Возвратившись затем в свой полк, Захаржевский совершил с ним заграничные походы 1813 и 1814 гг. За участие в битве при Кульме он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом; за сражение при Фер-Шампенуазе, где он был ранен пулей в живот навылет, — орденом Св. Анны 2-го класса[14]. В конце алексан-

[9] Петербургский некрополь. СПБ, 1912, т. II, с. 192.

[10] О роде Донцов-Захаржевских см. в кн.: Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. I, изд.2-е, СПБ, 1895, с. 189-190; Русский биографический словарь. Т. «Дабелов-Дядьковский», СПБ, 1905, с. 594; Лукомский Г.К. Старинные усадьбы Харьковской губернии. Пгт., 1917, с.12-13; Лощиц Ю.М. Сковорода. М.,1972, с.138-140.

[11] Лукомский Г.К. Ук. соч., с. 61 и сл.

[12] Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989, с. 340.

[13] Анненков И.В. История Л.-гв. Конного полка. 1731-1848. Ч. 1-4. СПБ, 1849, ч. 4, с. 205. Сведения о службе и наградах Г.А.Захаржевского, приведенные без ссылок на источники, почерпнуты в этом издании (ч.1, с.268; ч.2, с. 101; ч.3, с.85).

[14] Впоследствии, в 1834 г. Г.А.Захаржевский получил орден Св. Георгия 4-й степени за выслугу (Степанов В.С., Григорович Н.И. В память столетнего юбилея императорского Военного ордена. СПБ, 1869, с. 127); в 1836 г. он был награжден Станиславом 1-й степени, а в 1839 г. — Анной 1-го класса (Список кавалерам Российских императорских и царских орденов всех наименований за 1843 г. СПБ, 1843, т. II, с. 42, т. III, с.24). В соответствии с правилами ношения орденов в 1841 г. Захаржевский должен был носить на левой стороне груди знаки орденов Геор-

дровского правления Захаржевский был уже полковником и командиром 2-го дивизиона Конной гвардии.

15 декабря 1825 г. за отличие при подавлении восстания на Сенатской площади Николай пожаловал Захаржевскому звание флигель-адъютанта. В 1831 г. Захаржевский был произведен в генерал-майоры, и ему было повелено состоять при командующем 1-й бригадой гв. Кирасирской дивизии. Позднее Захаржевский принял под свое начало 2-ю ее бригаду[15]. В 1838 г. он был назначен Петербургским комендантом[16]. 30 октября 1845 г. генерал-лейтенант[17] Захаржевский скончался от апоплексического удара[18].

Личность Г.А.Захаржевского была, по-видимому, не слишком обаятельна. Его изображения дошли до нас лишь в карикатурах, а скупые мемуарные упоминания вольно или невольно сбиваются на эпиграмму, лишний раз подтверждая верность этих карикатур их оригиналу. Так бывший конногвардеец А.А.Суворов вспоминал, что «полковник Захаржевский был чрезвычайно толст и неповоротлив и на учениях всегда боялся марш-маршей»[19], а А.О.Смирнова-Россет вскользь упоминает в своих автобиографических заметках «петербургского коменданта, толстого, очень неуклюжего и очень скучного.»[20]

гия и Владимира 4-й степени, Кульмский крест и серебряные медали в память Отечественной войны 1812 г. и за взятие Парижа; на шее — крест Станислава 1-го класса; на правой стороне груди — анненскую звезду, и, наконец, анненскую ленту через левое плечо. На лермонтовском наброске награды изображены произвольно.

15 См.: Месяцослов и Общий штат Российской империи. СПБ, 1831-1838. Раздел «Гвардейская кирасирская дивизия».

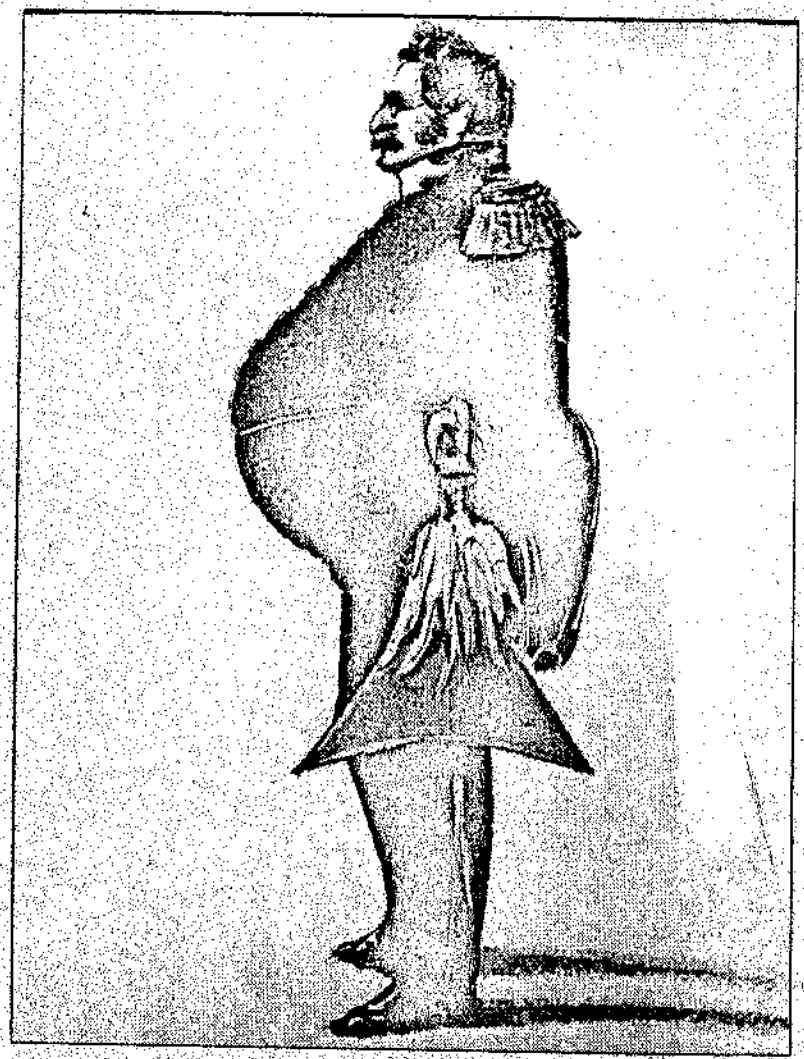
16 Русский инвалид, 1838, № 45 от 21 февраля, с. 177.

17 Захаржевский был произведен в генерал-лейтенанты 6 декабря 1840 г. — Русский инвалид, 1840, № 274 от 8 декабря, с. 1096.

18 Русский инвалид, 1845, № 247 от 3 ноября, с. 986.

19 Тем не менее, по словам А.А.Суворова, 14 декабря на сенатской площади Захаржевский «понесся вперед как храбрый молодой офицер» — Суворов А.А. Л.-гв. Конный полк 14-го декабря 1825 г. — Русская старина, 1881, № 1, с. 209.

20 Смирнова-Россет А.О. Ук. соч., с. 340.



Неизвестный художник.
«С<анкт>Пет<ербургский> Комендант Захаржевский».
Бумага, акварель. Конец 1830-х — начало 1840-х гг.
Музей «Приютино».

Имя Г.А.Захаржевского как военного коменданта С.-Петербурга связано с содержанием М.Ю.Лермонтова под стражей после дуэли с де Барантом в 1840 г.

«В ордонанс-гауз к Лермонтову тоже никого не пускали, — свидетельствует в своих мемуарах А.П.Шан-Гирей, — бабушка лежала в параличе и не могла выезжать, однако же, чтобы Мише было не так скучно и чтоб иметь о нем ежедневный бюллетень, она успела выхлопотать у тогдашнего коменданта или плац-майора, не помню хорошенько, барона З***, чтоб он позволил впускать меня к арестанту. Благородный барон сжалился над старушкой и разрешил мне под своею ответственностию свободный вход, только у меня всегда отбирали на лестнице шпагу<...>»[21].

Во всех современных изданиях фамилия «благородного барона» ошибочно раскрывается как фамилия петербургского коменданта Захаржевского[22]. Но Захаржевский не был бароном, и добрая память А.П.Шан-Гирея о благородстве З*** плохо вяжется с той сатирической характеристикой, которой наградил Захаржевского на своей карикатуре Лермонтов.

Кого же в таком случае имел в виду А.П.Шан-Гирей? Почему он «не помнил хорошенько», комендантом или плац-майором был З***?

Общие обязанности военных комендантов городов Российской империи заключались в поддержании дисциплины и наружного порядка в войсках, в наблюдении за неукоснительным соблюдением устава караулами, за исправным содержанием арестованных военных чинов и в обеспечении сохранности казенных зданий.

Коменданты осуществляли свои функции через посредство ордонанс-гаузов — комендантских управлений, штатом которых предусматривались должности плац-

[21] Шан-Гирей А.П. М.Ю.Лермонтов. Рассказ. — Русское обозрение, 1890, кн. 8, с.749.

[22] Лермонтов, VI, 841; М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. Пенза, 1960, с. 28,323; М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964, с. 50; М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 47.

майора и нескольких плац- и бау-адъютантов.[23] Так, по штатному расписанию, утвержденному в 1834 г.[24], штат санктпетербургского ордонанс-гауза состоял из коменданта, назначавшегося из полных генералов или генерал-лейтенантов, плац-майора в штаб-офицерском чине, одиннадцати плац- и четырех бау-адъютантов в обер-офицерском чине.

Должность плац-майора — ближайшего помощника и заместителя военного коменданта — заключалась, прежде всего, в наблюдении за исправным содержанием арестантов, состоявших в непосредственном его ведении. Заметим при этом, что санктпетербургский комендант имел казенную квартиру в Зимнем дворце[25], а его подчиненные — в здании ордонанс-гауза[26]. Из этого следует, что фактически режим заключения в ордонанс-гаузе зависел не столько от коменданта, сколько от плац-майора. Подтверждение этому можно найти в записке М.Ю.Лермонтова к С.А.Соболевскому. Приглашая его себе, поэт пишет: «Я в ордонанс-гаузе, на верху, в особенной квартире; надо только спросить плац-майора»[27].

В 1840 г. петербургским плац-майором был полковник Л.-гв. Гренадерского полка флигель-адъютант барон Владимир Иванович Зальца[28]. Именно у него, а не у Захар-

[23] Плац-адъютанты вели книги приказов, регистрировали прибытие и отъезд командированных, поверяли караулы, следили за порядком в общественных местах и пр. Бау-адъютанты, назначавшиеся, как правило, из военных инженеров, отвечали за исправное содержание казенных зданий.

[24] Полное собрание законов Российской империи, штаты и табели, 1834, т IX, 2, 6943, с. 70.

[25] Подъезд, который вел некогда в квартиру Петербургского коменданта в Зимнем дворце, до сих пор называется Комендантским. В научной и популярной литературе комендантов Петербурга часто ошибочно называют поэтому комендантами Зимнего дворца. В цитированном выше издании дневников и воспоминаний А.О.Смирновой-Россет в особом примечании комментаторы даже «поправляют» мемуаристку: Г.А.Захаржевский, утверждают они, «комендант не Петербурга, а Зимнего дворца» (с.589).

[26] Нистрем К.М. Адрес-календарь С.-Петербургских жителей. Тт.I-III, СПБ, 1844, т.II, с. 576.

[27] Лермонтов, т. VI, с.452.

[28] Месяцослов и Общий штат Российской империи. СПБ, 1840, т. I, с. 119 (состояние чинов по 1-е декабря 1840).

жевского выхлопотала Е.А.Арсеньева разрешение на свободный вход посетителей к арестованному поэту, В.И.Зальца дал это разрешение «под своею ответственностию» — то есть без ведома своего начальника, петербургского коменданта, и А.П.Шан-Гирей не пожелал компрометировать «благородного барона» свидетельством его служебного попустительства[29].

Должность плац-майора была, как уже отмечалось, штаб-офицерской, и когда в 1843 г. В.И.Зальца был произведен в генералы, он стал именоваться «вторым С.-Петербургским комендантом»[30]. Стоит ли удивляться тому, что по прошествии двадцати лет А.П.Шан-Гирей «не помнил хорошенько», был ли в 1840 г. В.И.Зальца еще плац-майором, или уже 2-м комендантом?

Итак, мягкими условиями своего заключения поэт был обязан не Г.А.Захаржевскому, а В.И.Зальца, и потому он не видел причин щадить в своем наброске «Поспешает на тревогу» петербургского коменданта, колоритная фигура которого сама напрашивалась на карикатуру[31].

Однако здесь следует сделать отступление о пользе сомнений.

29 Трудно допустить, что А.П.Шан-Гирей помнил лишь начальную букву фамилии Зальца. Между тем, указание возможно большего круга лиц причастных к его рассказу, было последовательным принципом мемуариста. «Мне казалось необходимым для отклонения сомнений разъяснить почему все, о чем я говорил, могло быть мне известно, и назвать поименно несколько лиц, которые могут обнаружить неточность, если она встретится, — писал, заключая свои воспоминания А.П.Шан-Гирей. — Прошу их не взыскать, если по этой причине я дозволил себе без их разрешения выставить в рассказе моем имена их полностью.» (М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 53) Мемуары А.П.Шан-Гирея датированы 1850 г.; В.И.Зальца, уже генерал-лейтенант, был в это время 1-м комендантом Ревеля, и, указав его имя полностью, А.П.Шан-Гирей поставил бы В.И.Зальца в весьма неловкое положение.

30 Должность второго коменданта штатным расписанием не предусматривалась, но в С.-Петербурге, Измаиле и Севастополе второй комендант назначался «особым высочайшим повелением» — ПСЗ, 1834, т.IX, 2, 6943, с. 73 (прим.)

31 В альбоме Заранека (музей Института русской литературы) также увековечен комический профиль Г.А.Захаржевского (бум.,акв., 1842, н. 41726/6); возможно, петербургский комендант вдохновил на карикатуру и других художников.

В первой публикации приютинской карикатуры[32] далее следовало:

Как известно, арест внука глубоко потряс Е.А.Арсеньеву, и она тяжело заболела; жизнь ее была в опасности. В критический момент Лермонтов обратился к Захаржевскому с просьбой навестить бабушку — едва ли не для того, чтобы проститься с ней.

Захаржевский отказал.

В содействии отказал поэту и начальник штаба гвардейского корпуса генерал-адъютант, генерал-майор П.Ф.Веймарн.

Тогда Лермонтов послал отчаянное письмо своему двоюродному дяде А.И.Философову, адъютанту великого князя Михаила Павловича, умоляя его добиться «одного дня, ибо время не терпит»[33].

«Я просил у коменданта всего несколько часов, чтоб навестить ее, — с досадой сообщал Лермонтов, — писал генералу, но так как это зависит от его высочества (великого князя Михаила Павловича, начальника гвардейского корпуса. — В.Ф.), они ничего не могли сделать.»[34]

Не смогли или не захотели пойти навстречу лермонтовской просьбе Захаржевский и Веймарн? По-видимому, Лермонтов склонялся ко второму, иначе он не обращался бы к Философову.

Письмо к Философову было написано между 13 и 19 апреля 1840 года. 20 апреля поэт был освобожден из-под ареста. Лермонтову был вручен приказ о переводе его на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк. Вслед за этим он был вызван к шефу жандармов, Гр. А.Х.Бенкендорф объявил ему, что он должен написать письмо к Э. де Баранту, испрашивая «извиненья в том, что несправедливо показал в суде, что выстрелил на воздух»[35].

32 Фейнберг В.М. Кого изобразил поэт? — Советский музей, 1986, № 3, с. 73-74.

33 Лермонтов, т. VI, с.452, 748 (перевод с фр.)

34 Там же.

35 Там же, с. 453.

Ограждая себя от этого унизительного требования, Лермонтов обратился к великому князю Михаилу Павловичу; великий князь передал письмо поэта императору, и хотя высочайшей резолюции не последовало, шеф жандармов не стал настаивать на своей затее, почувствовав, что она не поддерживается государем.

Оскорбительный ультиматум Бенкендорфа не мог быть истолкован Лермонтовым иначе, как проявление нескрываемой личной неприязни. Быть может, бессердечность Захаржевского и ненависть Бенкендорфа ассоциировались в сознании Лермонтова с тем обстоятельством, что С.-Петербургский комендант и шеф жандармов состояли в ближайшем свойстве: Бенкендорф был женат на родной сестре Захаржевского, Елизавете Андреевне Донец-Захаржевской, в первом браке Бибиковой[36].

Увы, эти неотразимые умозаключения оказались ложными.

Они строились на неколебимом, как казалось, фундаменте академического издания Лермонтова 1961-1962 гг.; но прошедшие мимо внимания автора документы из архива А.М.Верещагиной, опубликованные в 1963 г.[37] и неопровержимо свидетельствующие о том, что письмо М.Ю.Лермонтова к А.И.Философову должно датироваться октябрем 1838, а не апрелем 1840 г., разрушили эти построения как карточный домик...[38]

Действительно, 22 сентября 1838 г. М.Ю.Лермонтов был отправлен великим князем Михаилом Павловичем под арест на царскосельскую гауптвахту за прибытие «к

[36] Сведения о Е.А.Донец-Захаржевской (11.IX.1788 — 7.XII.1857) были сообщены мне Виктором Владимировичем Ашиком: в его личном архиве нашлась фотография ее надгробия на мызе Фалль (ныне Кейла-Йоа, близ Таллина), а в его библиотеке — мемуарные свидетельства о ее брате (Кн. Сергей Волконский. Разговоры. СПБ, 1912).

[37] Гладыш И.А., Динесман Т.Г. Архив А.М.Верещагиной. — Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина. 1963, вып. 26, с. 34-62.

[38] Заметим мимоходом, что в статье И.П.Стамболи об А.И.Философове, помещенной в «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981, с.596) письмо поэта по-прежнему ошибочно датируется 1840 г. Впрочем, это утешение довольно слабое: остается надеяться, что молодые коллеги, которым адресовано это издание, будут учиться на ошибках автора этих строк, а не на своих собственных.

разводу с маленькою, чуть-чуть не игрушечною детскою саблею»[39]; освобожден он был лишь 10 октября. «Миша Лерм<онтов> сидел под арестом очень долго, — писала Е.А.Верещагина дочери 29 октября 1838 г. — Сам виноват. Как ни таили от Ел<изаветы> Алексеевны — должны были сказать. И очень, было, занемогла, пиявки ставили. Философ<ов> довел до сведения великого князя, и его к бабушке выпустили. Шалость непростительная, детская.»[40]

Итак, следствием отчаянной мольбы, обращенной к Философову стало освобождение поэта из-под ареста не в апреле 1840, а в октябре 1838 г. Очевидно, в таком случае, что принятое в Академическом издании толкование лермонтовского письма («комендант» — Г.А.Захаржевский, «генерал» — П.Ф.Веймарн) оказывается несостоятельным. Но кого тогда имел в виду Лермонтов, сообщавший Философову, что «просил у коменданта всего несколько часов» и «писал к генералу»?

В знаменитом романе Ю.Н.Тынянова»Пушкин» мы находим любопытный эпизод, связанный с посещением Карамзиным и лицеистом Пушкиным царскосельской Китайской Деревни: «Страшной толщины старый генерал, запыхавшись, стоял у входа в Китайскую Деревню, как бы преграждая путь. Александр узнал его: комендант Царского Села Захаржевский явился приветствовать гостей»[41]. Несомненно, под «комендантом» в произведении Тынянова подразумевается главноуправляющий Царскосельским дворцовым управлением и полицией г. Царского Села Яков Васильевич Донец-Захаржевский (23.X.1780-1.III.1860), впоследствии генерал от артиллерии — двоюродный брат петербургского коменданта. По-видимому, в сознании Ю.Н.Тынянова петербургский и царскосельский Захаржевские слились в некий еди-

[39] Лонгинов М.Н. Заметки о Лермонтове. — В кн.: М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 156.

[40] Гладыш И.А., Динесман Т.Г. Ук. соч., с. 44.

[41] Тынянов Ю.Н. Пушкин. М., 1984, с. 333.

ный образ[42]. Разумеется, роман нельзя судить по законам документального жанра, но в описываемое Тыняновым время Я.В.Захаржевский был далеко не стар и, в отличие от своего кузена, отнюдь не был толст[43]; наконец, он никогда не был царскосельским комендантом: комендант Царского Села находился в его подчинении.

Очевидно, со скамьи царскосельской гауптвахты осенью 1838 г. Лермонтов взывал к великодушию коменданта Царского Села (власть которого в Царском Селе была, вероятно, номинальной) и полкового командира — генерала М.Г.Хомутова[44]. Но последний ничего не мог сделать, поскольку эскапада Лермонтова выглядела особенно дерзкой благодаря присутствию на разводе Михаила Павловича — именно это обстоятельство и делало его шалость «непростительной». Великий князь должен был чувствовать себя лично задетым, и потому оправдывать выходку корнета Лермонтова, и полугода еще не прослужившего в полку по возвращении из ссылки, генерал-майору Хомутову было неудобно...

***

Карикатура Лермонтова датируется по помете А.Д.Блудовой на листе с одним из рисунков поэта в ее альбоме, предшествующих наброску «Поспешает на тре-

[42] Между тем в русской литературе Я.В.Захаржевский может претендовать на особое место: труды Якова Васильевича были воспеты А.К.Толстым в его гекзаметрическом комментарии к знаменитому пушкинскому стихотворению «Царскосельская статуя». Пушкинские строки

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит

А.К.Толстой снабдил глубокомысленным примечанием:

Чуда не вижу я тут. Генерал-лейтенант Захаржевский
В урне той дно просверлив, воду провел чрез нее.

[43] В 1816 г. Я.В.Захаржевскому было 36 лет; его отличала другая заметная особенность: в Лейпцигской битве он потерял правую ногу.

[44] Лермонтов не считал нужным пояснять слово «генерал», когда речь шла о его полковом командире: именно так в письмах к бабушке (как и в письме к Философову) Лермонтов называл генерал-майора Михаила Григорьевича Хомутова (1795-1864).

вогу»: «Petersbourg, lundi 3 mars 1841— Lermontoff» («Петербург, Понедельник 3 марта 1841 — Лермонтов.»). Карикатура на Захаржевского могла быть исполнена не ранее 3 марта, но не позднее 13 апреля 1841 г.: 14 апреля, в 8 часов утра Лермонтов навсегда покинул столицу.

Можно не сомневаться, что в эти дни Лермонтов не раз возвращался памятью к драматическим событиям прошлого года, повлекшим за собою очередную ссылку — его последнее заключение длилось с 10 марта по 19 апреля 1840 г. По-видимому, в канун годовщины своего ареста поэт вспомнил с карандашом в руке и своего тяжеловесного стража[45] — петербургского военного коменданта генерал-майора Г.А.Донец-Захаржевского.

[45] Как уже отмечалось, награды Г.А.Захаржевского Лермонтов изобразил произвольно. Быть может, в этом следует видеть косвенное свидетельство того, что в последний свой приезд в Петербург поэт не встречался со столичным комендантом и рисовал его по памяти.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

АТРИБУЦИИ

1. Глинка В.М. Кто изображен на четырех рисунках Кипренского. В кн.: Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. 37. Л., 1973.

2. Глинка В.М. Об установлении лиц, изображенных на портретах, по форменному платью и орденам. В кн.: Труды Государственного Эрмитажа, т.15, Русская культура и искусство. Л., 1974.

3. Глинка В.М. О трех портретах Ромбауэра. В кн.: Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. 43. Л., 1978.

4. Глинка В.М. Кто изображен на двух портретах В.-Ш.Митуара? В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1979. Л., 1980.

5. Глинка В.М. О работах Яна Гладыша, выполненных в Петербурге в 1806-1808 гг. В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1980. Л., 1981.

6. Старк В.П. Портреты и лица. XVIII — сер. XIX в. СПБ, 1995.

МУНДИРОВЕДЕНИЕ

7. [Висковатов А.В.] Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Издание 2-е. Т. I-XIX. СПБ, 1899-1902; т. XX-XXIX, Новосибирск, 1944-1945.

8. Звегинцов В.В. Русская армия. Т. I-VII. Париж, 1967-1984.

9. Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Л., 1988.

10. Пархаев О.К. Русская армия 1812 года. — Наборы открыток (вып. 1-4), М., 1987-1990.

11. Гусары эпохи 1812 года. М., 1990.

12. Доценко В.Д. Русский морской мундир. 1696-1917. СПБ, 1994.

НАГРАДЫ

13. Степанов В.С., Григорович Н.И. В память столетнего юбилея императорского Военного ордена. СПБ, 1869.

14. Иверсен Ю.Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. Т. I-III. СПБ, 1880-1896.

15. Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов. Изд. 2-е, СПБ, 1892.

16. Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963; СПБ, 1993.

17. Петерс Д.И. Наградные медали России XIX — начала XX веков. Каталог. М., 1989.

18. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991.

19. Бартошевич В.В. Наградная медаль участника Отечественной войны 1812 года как памятник эпохи. М., 1992.

ВОЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ 1812 г.

20. Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники. Т. I-III, СПБ, 1845.

21. Военная галерея 1812 года. СПБ, 1912.

22. Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981.

23. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Т. VII. М., 1996.

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ

КАВАЛЕРИЯ:

Л.-ГВ. КОННЫЙ ПОЛК

24. Ашенков И.В. История Л.-гв. Конного полка. 1731-1848. Т. I-IV, СПБ, 1849.

25. Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Л.-гв. Конного полка с 1731 по 1886 гг. СПБ, 1886.

Л.-ГВ. КАВАЛЕРГАРДСКИЙ ПОЛК

26. Панчулидзев С. Сборник биографий кавалергардов. Т. I-IV. СПБ, 1901-1908.

Л.-ГВ. ГУСАРСКИЙ ПОЛК

27. Манзей К.Н. История Л.-гв. Гусарского его величества полка. 1775-1857. Т. I-III. СПБ, 1859.

Л.-ГВ. УЛАНСКИЙ ПОЛК

28. Бобровский П.О. История Л.-гв. Е.И.В. Уланского полка. Т. I-II. СПБ, 1909.

Л.-ГВ. КАЗАЧИЙ ПОЛК

29. История Л.-гв. Казачьего Е.В. полка. 1798-1876. СПБ, 1876.

Л.-ГВ. ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

30. Ковалевский М. Пятьдесят лет существования Л.-гв. Драгунского полка. Новгород, 1870.

НИЖЕГОРОДСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК.

31. Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка. СПБ, 1898.

ПЕХОТА

Л.-ГВ. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПОЛК

32. Чичерин А.К., Долгов С.Н., Афанасьев А.Н. История Л.-гв. Преображенского полка. 1683-1883. Т. I-IV. СПБ, 1883.

Л.-ГВ. ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПОЛК

33. Зноско-Боровский Н. История Л.-гв. Измайловского полка. 1730-1880. СПБ, 1882.

Л.-ГВ. СЕМЕНОВСКИЙ ПОЛК

34. Дирин Л. История Л.-гв. Семеновского полка. Т.I-II. СПБ, 1883.

35. Аглаимов С.П. Отечественная война 1812 года. Исторические материалы Л.-гв. Семеновского полка. Полтава, 1912.

Л.-ГВ. ПАВЛОВСКИЙ ПОЛК

36. История Л.-гв. Павловского полка. 1790-1890. СПБ, 1890.

Л.-ГВ. ЕГЕРСКИЙ ПОЛК

37. История Л.-гв. Егерского полка за 100 лет. 1796-1896. СПБ, 1896.

Л.-ГВ. ФИНЛЯНДСКИЙ ПОЛК

38. Гулевич С. История Л.-гв. Финляндского полка. 1806-1906. Т. I-V. СПБ, 1906-1909.

Л.-ГВ. ЛИТОВСКИЙ ПОЛК

39. Маркграфский А.Н. История Л.-гв. Литовского полка (1811-1881). Варшава, 1887.

Л.-ГВ.МОСКОВСКИЙ ПОЛК

40. Пестриков Н.С. История Л.-гв. Московского полка. Т. I-II. СПБ, 1903.

ПАЖИ. ПАЖЕСКИЙ КОРПУС

41. Милорадович Г.А. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса. Киев, 1876.
42. Фрейман. Пажи за 185 лет с 1711 по 1896. Фридрихсгам, 1898.
43. Пажеский корпус за 100 лет. 1802-1902. Т I-II СПБ, 1902.

ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ. СВИТА

44. Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба. Т. I-II. СПБ, 1883.
45. Затворницкий Н.М. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии Военного министерства с 1802 по 1902 г. включительно. СПБ, 1909.
46. Николай Михайлович, вел. кн. Генерал-адъютанты Александра I. СПБ, 1913.
47. Столетие Военного министерства. 1802-1902. В XIII тт. СПБ, 1902-1914. Т. II: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. Кн. 2: Царствование Александра I. СПБ, 1904. Кн. 3: Царствование Николая I. СПБ, 1908.

СПИСКИ ЛИЧНОГО СОСТАВА СПИСКИ КАВАЛЕРОВ РОССИЙСКИХ ОРДЕНОВ

48. Список чинам, в гражданской службе состоящим. СПБ, 1798-1916.
49. Список генералитету по старшинству на 1819 г. СПБ, 1819.
50. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии. СПБ, 1828, 1829, 1831.
51. Список генералам по старшинству. СПБ; Пг., 1838-1916.
52. Список полковникам. СПБ; Пг., 1838-1916.

53. Полный список шефам, бригадным, дивизионным и батарейным командирам и офицерам Л.-гв. 2-й Артиллерийской бригады. СПБ, 1898.

...

54. Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов <...>. М., 1814.
55. Список кавалерам императорских Российских орденов всех наименований на 1832 г. Чч. 1-2.СПБ, 1833.
56. Список кавалеров российских императорских и царских орденов. СПБ, 1838.
57. Список кавалерам Российских императорских и царских орденов всех наименований за 1843 г. Т. I- IV. СПБ, 1843-1844.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ СПРАВОЧНИКИ

58. Долгоруков П.В. Российская родословная книга, издаваемая кн. Петром Долгоруковым. Т. I-IV, СПБ, 1854-1857.
59. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I-II. СПБ, 1886-1887.
60. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. I-II; изд. 2-е, СПБ, 1895.
61. Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословной. Т. I-II. СПБ, 1906-1908.
62. Модзалевский В. Малороссийский родословник. Т. I-VII. Киев, 1908-1914.

БИОГРАФИИ. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВОЧНИКИ. АДРЕС-КАЛЕНДАРИ

63. Шильдер Н.К. Император Павел I. СПБ, 1901.
64. Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. I-IV. СПБ, 1898.
65. Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. т. I-II. СПБ, 1903.

66. Русский Биографический словарь. Т. I-XXV. СПБ-Пг., 1896-1918.
67. Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. Т. I-II. 1764-1914. Пг., 1914.
68. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981
69. Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.
70. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1988.

...

71. Адрес-календари. СПБ, ч. 1-2.:
На 1805-1829 гг.: Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Р<ождества> Х<ристова>...
На 1830-1842 гг.: Месяцослов и Общий штат Российской империи.
На 1843-1849 гг.: Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи.
72. Придворный месяцослов на лето... СПБ, 1801-1849.

АДРЕСНЫЕ КНИГИ

73. [Реймерс Г. фон] Санктпетербургская адресная книга на 1809 г. Т. I-II. СПБ, 1809.
74. Аллер С. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга на 1823 г. СПБ, 1822.
75. Аллер С. Руководство к отысканию жилищ по С.-Петербургу. СПБ, 1824.
76. Нистрем К. Книга адресов С.-Петербурга на 1837. СПБ, 1837.
77.Книга адресов столицы, изданная майором Метлеркампом и К.Нистремом. М., 1839.
78. Нистрем К. Адрес-календарь санктпетербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям. Т. I-III. СПБ, 1844.

НЕКРОПОЛИ

79. Московский некрополь. Т. I-III. СПБ, 1907-1908.
80. Петербургский некрополь. Т. I-IV. СПБ, 1912-1913.
81. Русский провинциальный некрополь. Т. I-IV. М., 1914.
82. Чернопятов В.И. Русский некрополь за границей. Вып. 1-3. М., 1908-1913.
83. Андерсон В.М. Русский некрополь в чужих краях. Вып. 1. (Париж и его окрестности). Пг., 1915.

ПЕРИОДИКА (ГАЗЕТЫ)

84. Русский инвалид
85. Санкт-Петербургские ведомости.
86. Северная почта

ИКОНОГРАФИЯ

87. Гиппиус Г. Современники. Собрание литографических портретов <...> Г.Гиппиуса. СПБ, [1822-1828].
88. Мюнстер А.Э. Портретная галерея русских деятелей. СПБ; т. I, 1865; т. II, 1869.
89. Исторический альбом портретов известных лиц XVI-XVIII вв. СПБ, 1870.
90. Русская портретная галерея. Собрание портретов замечательных русских людей, начиная с XVIII столетия. СПБ, 1885.
91. Ровинский Д. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. I-IV. СПБ, 1886-1889.
92. Подробный иллюстрированный каталог русской портретной живописи за 150 лет (1700-1850). [СПБ], 1902.
93. Сент-Обен Луи. 39 портретов. 1808-1815. СПБ, 1902.
94. Каталог историко-художественной выставки русского портрета <...> в Таврическом дворце. СПБ, 1905.

95. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Изд. вел. кн. Николая Михайловича. Т. I-V. СПБ, 1905-1909.
96. Адарюков В.Я. Добавления и исправления к «Подробному словарю русских гравированных портретов» Д.А.Ровинского. СПБ, 1911.
97. Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. I-IV. М., 1911-1912.
98. Адарюков В.Я., Обольянинов Н.А. Словарь русских литографированных портретов. Т. I. М., 1916.
99. Каталог рисунка и акварели Государственной Третьяковской галереи. М., 1956.
100. Коростин А.Ф. Русская литография XIX в. М., 1958.
101. Выставка русского портрета XVIII — начала XX в. Каталог. Л., 1959.
102. Неизвестные и забытые портретисты XVIII — первой половины XIX в. Каталог выставки. М., 1975.
103. Окунев Б.Г. А.И.Клюндер и его портреты однополчан М.Ю.Лермонтова в музеях СССР. — Научно-исследовательская работа в художественных музеях. М., 1975, ч. 2, с. 166-188.
104. Русский портрет из московских частных собраний. Каталог. М., 1975.
105. Ранняя русская литография из собрания Эрмитажа. Л., 1976.
106. Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись. т.I. Л., 1976; т.II. Л., 1981.
107. Михайлова К.В., Смирнов Г.В. Портретная миниатюра из собрания Государственного Русского музея. XVIII-XIX в. Л., 1979.
108. Пушкин и его современники. Портреты из собрания Государственного Литературного музея. Каталог выставки, посвященной 180-летию дня рождения А.С.Пушкина. М., 1979.
109. Государственный Русский музей. Живопись. XVIII — начало XX века. Каталог. Л., 1980.

110. Сапрыкина Н.Т. Коллекция портретов собрания Ф.Ф.Вигеля. Аннотированный каталог. М., 1980.
111. Немировская М.А. Акварель и рисунок XVIII — первой половины XIX в. М., 1982.
112. Березина В.Н. Французская живопись первой половины и середины XIX в. Л., 1983.
113. Русский акварельный и карандашный портрет первой половины XIX в. из музеев РСФСР. М., 1983.
114. Московская изобразительная Пушкиниана. М., 1986.
115. Портретная миниатюра в России XVIII — начала XX в. Из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1986.
116. Государственный Русский музей. Скульптура. XVIII — начало XX века. Каталог. Л., 1988.
117. Русская акварель в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1988.
118. St.Petersburg um 1800. Ausstellung. Kulturstiftung Ruhr, Villa Hügel, Essen, 9.6.-4.11.1990.

СОДЕРЖАНИЕ

МОЖНО ЛИ ВЕРИТЬ «ФОРМЕННЫМ ОТЛИЧКАМ»? (Военные реалии и проблема атрибуции) 3

Ветеран турецких и наполеоновских войн 12

Герой Аустерлица и Фридланда 26

P.V. и P.A. Soltykoff — «рисовальщики не из последних» 39

Невольный соперник Пушкина 56

Кто «поспешает на тревогу» на рисунке Лермонтова 66

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 80

СПбГАК. Зак. 39 Тир. 200. 20.3.1997